

"Настоящая фантастика - 2017 (сборник)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Коллектив авторов

Настоящая фантастика-2017

© Алферов В., Битюцкий С., Бор А., Вереснев И., Веров Я., Володихин Д., Гелприн М., Духина Н., Ивицкий А., Казаков Д., Лебединская Ю., Лукин Д., Матыцына П., Немытов Н., Никулин Ю., Лазаренко И., Панов В., Панченко Г., Савеличев М., Сибгатуллин А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Вселенная - разум или космос?

Михаил Савеличев

На далекой звезде Венере...

На Венере, ах, на Венере

Нету смерти терпкой и душной,

Если умирают на Венере —

Превращаются в пар воздушный.

Н. Гумилев

1. Прибытие

Она висела в пустоте и темноте. Свернувшись, будто эмбрион в утробе матери. Может, так оно и было? Может, она - всего лишь зародыш? И предстоит пройти долгий путь превращений, пробежать миллиарды лет эволюции за каких-то девять месяцев, чтобы стать ревушим, сосущим, пачкающим младенцем?

Нет. Не так. Зародыши не умеют думать. Не могут осознавать себя. Они - заготовки личности, но не сами личности.

Я - это я. Я присутствую в этой пустоте и темноте. Осознаю себя. Осознаю свою телесность. Я даже знаю, как выгляжу. Там, где нет пустоты и темноты.

Я - женщина. Некрасивая. Взрослая. Умная.

Последнее - лишнее. К внешности не имеет отношения. Капля лести самой себе. К чему? Перед кем? Ведь вокруг - никого и ничего.

Хочется свернуться еще крепче. Но тело не дает. Тело обитателя Земли. Отнюдь не божественных пропорций.

Дышать? Но ведь я дышу. Хотя и чувствую в этом странность. Будто с каждым вздохом собираю не воздух. Что-то иное. Более плотное.

Жидкость! Да, точно. Перенасыщенную кислородом жидкость. Такой дышат космисты.

Никуда без воды. Даже эмбрион в утробе матери плавает в воде. Океанической воде. В воде

первоокеана. Мы начинаем из него свою жизнь. В нем мы выходим из нашей космической колыбели.

Так где же я?

И где я была до этого?

Нет, не смерть. Это точно не смерть. Стучит сердце. Работают легкие. Чувствую тело. Руки. Пальцы. Мои пальцы.

В пустоте возникает движение. Что будет, если открыть глаза?

Пустота имеет цвет. Багровый.

Есть верх. Есть низ. Мне надо вверх. Уверена в этом. Приходится расцепить пальцы, распрямить тело и сделать несколько движений, нарушив равновесие.

Я больше не парю. Я плыву. Вверх. Плыву и дышу. Дышу и плыву. Ужасно долго и скучно.

И выплываю. Вырываюсь на поверхность. И поначалу не понимаю. И начинаю задыхаться. Откашливаюсь.

Внешняя гидравлика оказалась отключена, поэтому, когда перепонка люка лопнула, Ариадна получила болезненный толчок в спину. Внутреннее давление почти выкинуло ее из шлюпа, и если бы кто-то не подхватил поперек тела, лежать бы ей на поелах, как выкинутой на берег беспомощной рыбке.

С головы сдернули дыхательную маску и почти сунули в водоприемник, который на сленге космистов величался «блеводницей». Что, собственно, соответствовало истине. А как иначе назвать мучительный и физиологически неприятный процесс избавления легких, а заодно и желудка от перенасыщенной жидкости, которой дышали все космисты?

- Спа-си-бо... - ухитрилась проговорить Ариадна между приступами рвоты. Она не видела своего добровольного помощника, так как головой продолжала торчать в выдавшей виды «блеводнице», которую вряд ли кто чистил или дезинфицировал в последнее время. Когда-то блестящий раструб покрывали ржавые потеки, а из сливного отверстия воняло так, что выворачивало наизнанку.

- С вами все в порядке? - Голос снаружи приобретал в раструбе гулкость.

- Да... да, спасибо. - Она сплюнула последние остатки красноватой дыхательной жидкости и выпрямилась.

Меньше всего Ариадна ожидала обнаружить себя в центре внимания сотен человек.

- Кто это? - невольно вырвалось у нее.

- Пожалуйста, прошу вас... - Тихий, жалкий голос, осторожные касания. - Шлюп... Нам нужен шлюп...

- Они - дезертиры, - с презрением сказал огромный черный человек.

И тот, кто хватал Ариадну за локоть, не дожидаясь, пока она освободится от управляющих

нитей шлюпа и стащит с головы командный шлем, съжился, отступил на шаг. Однако продолжал протягивать в горестной мольбе руки, неприятно напоминая нищего с картин Брейгеля.

Ариадна наконец-то содрала шлем, пучки нитей истончились, пожелтели, принялись надрываться. Разрыв связи со шлюпом порождал в теле зуд.

- Вы не в праве их обвинять, - Ариадна протянула шлем и вложила его в молящие руки. - Посадите в шлюп женщин и детей...

- Да-да, конечно, - забормотал страждущий. - Женщин и детей...

Огромный черный человек с отвращением смотрел, как тот побрел по залу, где прямо на полу сидели люди. Подчиняясь его безмолвным знакам, поднимались женщины, подзывая как можно тише детей. Словно никто не решался нарушать безмолвие Лапуты, разбавляемое лишь гулом работающих атмосферных двигателей.

- Народный комиссар проекта ТФВ Телониус. - Черный человек повернулся к Ариадне. - Но вы это знаете.

- Народный контролер проекта ТФВ Ариадна, - в тон ответила она. У нее чесался язык добавить, что и Телониус это знает - кто еще мог прибыть на шлюпе с орбитальной базы вне расписания, да еще так просто распорядиться кораблем. - Сколько здесь людей?

Телониус дернул могучими плечами, скривился. Ариадне на мгновение показалось, что он сейчас выругается, но нарком сдержался, процедил:

- Здесь нет людей. Только «возвращенцы». И какая разница - сколько? Все они - лишние.

- Когда «возвращенцев» направляли сюда на работу, вы не считали их ни лишними, ни обузой, - заметила Ариадна в широченную спину Телониуса, двигаясь вслед к выходу из зала.

- Они шли добровольно, так как знали - десяткам миллиардов воскрешенных понадобится новая Земля.

Идти пришлось медленно, переступая через пожитки, вытянутые ноги, а то и через скрюченные неудобным сном фигуры людей. Некоторые из ожидавших облачены в скафандры, чьи колпаки свешивались на спину сморщенными масками, похожими на театральные личины смеха и печали - у кого как. При этом системы индивидуальной вентиляции работали на полную мощность, разгоняя духоту не только под оболочкой, но и вблизи, облегчая участь ожидающих.

- Послушайте, Телониус, а нельзя задействовать дополнительные кондиционеры? Дайте взрослым и детям продышаться.

- Правильно, товарищ! Мы будем жаловаться! Всем нужен свежий воздух! Сколько можно терпеть! - немедленно раздался голоса в поддержку Ариадны. Несмотря на показное равнодушие, она находилась в центре внимания.

- Не говорите чепухи! - перекрыл чей-то рык жалобные голоса, и Ариадна было подумала, что это Телониус, но наткнулась на бешеный взгляд стоящего у самого выхода человека в форме администрации проекта. Шевроны оказались неряшливо спороты, поэтому точно определить его бывшее звание оказалось невозможно. - Энергии хватает лишь на минимальную

жизнедеятельность Лапуты! Если уж драпаем, то не будем создавать проблем остающимся!

- Мы в аду! - Истошный крик перекрыл разноголосицу, и словно волна прокатилась по «возвращенцам». Они вскидывали опущенные головы, привставали, пытались разглядеть - кто кричал.

Ариадна тоже не сразу заметила ее - тонкая тень, возникшая над сидящими.

- Вы не понимаете?! Мы - умерли! Нет никакого воскрешения! Нет Федоровского процесса! Мы в царстве мертвых! Отсюда нет возврата... нет...

Женщину потянули вниз, но она кричала и отбивалась, и Ариадна увидела, что у нее нет кистей, их заменяли примитивные механические протезы. К бьющейся в истерике женщине подбежал человек в комбинезоне медицинской службы, на ходу стягивая рюкзак с большим красным крестом.

- Кто она? - спросила Ариадна.

- Нерис, - сказал Телониус. - Соломея Нерис.

- Та самая? - не поверила своим ушам Ариадна и еще раз посмотрела туда, где уже толпились люди, скрывая женщину с протезами. - Художница?

- Бывшая, - мрачно уточнил Телониус. - Вы ведь знаете, у «возвращенцев»...

- Да, - прервала его Ариадна. - Знаю.

И поежилась. Ей почудилось, будто она догадалась, почему у Соломеи оказались столь грубые протезы.

- Сколько всего воскрешенных среди участников проекта? - спросила Ариадна Телониуса.

- Все, - резко ответил он. Помолчал и добавил: - Венера должна стать для них новым домом, землей обетованной, раем. Но теперь они убедили себя, что попали в ад, и готовы на все, чтобы сбежать на Землю и задыхаться там, в тесноте. Им плевать на остальных. На своих родителей, предков им тоже плевать. Главное, что возвратились они! Впрочем... «Возвращенцы» они и есть «возвращенцы».

- Вы так говорите, будто вы против Федоровского процесса...

- Да, - резко рубанул Телониус. - Мы ни черта не понимаем в том, что происходит. Почему возвращаются те, кто умер. Мы лишь придумываем удобные гипотезы.

- Человечество достигло такого уровня психо-технологического развития, которое инициировало Федоровский процесс... - начала было Ариадна, но Телониус раздраженно махнул рукой.

- Оставьте эти сказки для легковверных! И «возвращенцев». Что, впрочем, одно и то же...

Когда Ариадна вслед за Телониусом сошла с подъемника, ей на мгновение показалось, будто она неведомым чудом перенеслась на старую Землю, знакомую ей по картинкам, Землю до экологических катаклизмов. Перед ней холмистая равнина, густо поросшая травой, кустарниками и деревьями, между которыми нитями вились тропинки. В буйстве зелени

притаились жилища, по внешнему виду неотличимые от земных. Иллюзия настолько полная, что Ариадна невольно ухватилась за перила, покачнувшись от острой ностальгии. Только в такие секунды понимаешь – как же долго ты отлучена от Земли.

Но иллюзия исчезает. Взгляд невольно отыскивает то, что ее порождает и выдает. Зеленый остров отделен желтоватым куполом от бешеной атмосферы Венеры. Кислородно-азотная смесь, которой надута оболочка воздушного острова, обеспечивала ему великолепную плавучесть в тяжелой углекислой атмосфере планеты. За пределами оболочки виднелся кольцевой пандус со вздутиями и отверстиями многочисленных ангаров. Оттуда выскальзывали причудливые тени венерианских самолетов. Машины взмывали над платформой и отвесно ныряли с такой скоростью, будто ничто не держало их в атмосфере и через минуты падения им предстояло разбиться о пока еще мертвую поверхность планеты.

Все обслуживающие механизмы, двигатели, лаборатории, фабрики, стыковочные узлы, стартовые площадки орбитальных кораблей упрятаны под поверхность, и не хотелось возвращаться в царство пыхтящих кондиционеров, тяжелого гула двигателей Лапуты, вздохов пневмоэкспрессов, бульканья в водопроводных трубах и прочего техногенного шума, почти ничем не отличимого от такой же какофонии в орбитальных поселениях. Ариадна предполагала, что там же, среди механизмов, располагались каюты персонала, ибо никаких домов на поверхности не хватит вместить тысячи и тысячи душ, обитающих в атмосферном городе.

Телониус шагнул на дорожку. Ариадна еле поспевала за ним. Через минуту они вышли к двухэтажному дому, Телониус пнул перепонку двери и взмахом руки предложил Ариадне войти.

- Будете находиться здесь, – сказал он. Именно так – «находиться», отчего у Ариадны возникла ассоциация с арестом, заключением под стражу и вообще – принудительной изоляцией. Она собиралась отпустить по этому поводу ядовитую шпильку, но, посмотрев на набычившегося Телониуса, который, скорее всего, ожидал от нее чего-то подобного, сдержалась. Она не любила оправдывать чьих-либо ожиданий, кроме тех, которые от нее ждут по должности. Кивнула и переступила порог.

- Мое пристанище, – сказал Телониус. – Вы никого не стесните, а сам я здесь не бываю.

- Где же вы спите? – Ариадна не удержалась.

- Где застанет сон. – И ей представилось, как сон застаёт Телониуса посреди какого-нибудь коридора в недрах острова, он немедленно ложится на поелы и засыпает. Обязательно богатырским сном, с храпом, заглушающим шум машинерии.

Телониус вдруг повернулся к Ариадне и сказал:

- Я читал вашу книгу.

- Какую именно?

- Ту, где вы укрылись под псевдонимом Доктор Панглос. «Этот лучший из миров», так она называлась?

- Ее и написал Доктор Панглос.

- Скорее поверю, что это сделал восставший из могилы Вольтер, – оскалился Телониус, раздул

ноздри, набычился, и Ариадне на мгновение показалось, что народный комиссар наклонится и боднет ее огромной головой.

- Ваше право. Федоровский процесс делает подобное предположение вполне вероятным...

- Прекратите! Кто бы ни написал этот пасквиль, вы разделяете его положения?

- О недопустимости переделывать мироздание под наши сиюминутные нужды? Да, разделяю, - спокойно сказала Ариадна.

Телониус глубоко вздохнул, выпрямился.

- Единственный проект, который можно определить как «переделку мироздания», - мой проект, - Телониус сделал ударение на слове «мой». - Именно его вы и решили сделать объектом пристального внимания?

Ссориться в первые же часы с Телониусом не входило в ее планы, но что она могла ожидать? Иной реакции и быть не могло,

- Телониус, - как можно мягче постаралась сказать Ариадна, - вы прекрасно осведомлены - источник наших полномочий как народных комиссаров - свободное волеизъявление людей...

- Увольте меня от лекций по современному анархизму!

- Уволю, не беспокойтесь. Идеи Доктора Панглоса близки не только мне, но и многим людям. Изгадив собственную планету попытками переделать ее под своекорыстные нужды, мы теперь выносим данные модус вивенди и модус операнди в космос. Вы можете объяснить - зачем человечеству еще одна землеподобная планета?

- А разве вы только что не говорили с таким энтузиазмом о Федоровском процессе, об оживлении всех, когда-либо живших на Земле? Разве не для этого и нужна терраформированная Венера? Стать для «возвращенцев» Землей Обетованной?

- Чепуха! Места для всех вполне хватит и на Земле. Разреши мы воскрешенным сразу же оставаться на ней, без всякого карантина и обязательной отработки в космосе, мы бы давно вернули планете утраченный облик - очистили моря и сушу, восстановили атмосферу.

Телониус помолчал, потом сказал:

- Впрочем, вы полезны. Вы вдохновляете меня. Злите. Это заставляет продолжать сражаться с тем, что нельзя победить.

2. Примарка

Волны. Море. Океан.

Багровый. Вязкий.

Как кровь.

Мир двухцветен. Верх - черный. Низ - красный. Чтобы оставаться на границе между цветами, приходится изо всех сил грести. Похоже на воду. Но только похоже. Волны. То возносят, то опускают. Когда Ариадна оказывается на очередном гребне, она пытается высмотреть берег. И ей кажется, она видит темную полосу. Туда и надо плыть.

Вот только дышать воздухом трудно. Есть выход – вновь погрузиться с головой и набрать в легкие перенасыщенную кислородом жидкость. Но она не хочет этого делать. Будто в том, что она дышит воздухом, а не жидкостью, – хоть какой-то крошечный шагок... вот только к чему? И от чего?

Толика самостоятельности.

Так ребенок отталкивает руку матери, пытаясь сделать первый шаг.

Трудно. Очень трудно. Но сделать его нужно самому. Без посторонней помощи.

Ариадна плыла. Загребала густую жидкость. Широко разевала рот, вгоняя в легкие скудный, разреженный воздух.

Дыши! Дыши! Глубже дыши!

В доме оказалось пусто. Совсем. Ни единой вещи, которая указывала – здесь прописан народный комиссар проекта терраформирования Венеры. Лишь стандартное оборудование подобных жилищ – кресла и лежанки, кухонный комбайн, видеофон не новой конструкции, на дурацких изогнутых ножках, словно сошедший с картин ретрофутуристов. Ткнув в клавишу, Ариадна убедилась – вполне работает и обеспечивает высший уровень допуска к нужной информации. Телониус не утруждался выдумывать пароли доступа в базы знаний.

Единственной вещью, которая выдавалась из общей стандартности, оказался рояль весьма древней конструкции. На его металлических боках с декоративными завитушками красовались странные подпалины, будто инструмент потерпел в свое время катастрофу на том корабле, где когда-то был установлен. Ариадна погладила смятый ударом металлический бок и с удивлением убедилась, что рояль подключен к питанию – от него исходило тепло, а подушечки пальцев закололо клавишными сенсорами. Но ей было не до музыки, и она вернулась к видеофону.

Через час Ариадна поймала себя на том, что продолжает горбиться над экраном, вчитываясь в ежедневные отчеты о ходе проекта. От неудобной позы и накопившейся после перелета усталости на спине проступил пот, и вообще от нее пахнет немывтым с долгой дороги телом.

Под душем она смыла пленку комбинезона и голышом дошла до напылителя. Ариадна заказала стандартное одеяние лапутян, повертелась под растробом, распределяя пленку равномерно по телу. Подумала перекусить, но решила воздержаться. Требовалась предельная ясность ума, а пищеварение, как Ариадна искренне считала, заволакивало эту ясность расслабленностью сытого тела. Поэтому она ничего не ела во время инспекционных поездок, порой сбрасывая по несколько килограммов, истончая до предела и так тощее тело. Вот и сейчас она легко пересилила голод. Собралась продолжить знакомство с отчетностью проекта, но сверху вдруг кто-то спросил:

- Ты хочешь погубить Минотавра?

Ариадна растерянно осмотрелась, пока не увидела девчонку, что лежала на высоченном шкафу, подставив ладонку под щеку, придерживая раскрытую книгу с проступающими буквами «Мифы Древней Греции».

- Какого Минотавра? - спросила Ариадна. Вид у девочки оказался столь же странным, как и ее месторасположение. Она была в самом настоящем древнем скафандре, который собрался на детском теле множеством складок. Скафандр был потрепан и потерт, оранжевые линии сигнальной системы почти слились с остальной грязновато-белой поверхностью.

- Это его дом, - сказала девчонка. - Он тебя сюда привел, я видела.

Только теперь Ариадна сообразила, кого та имеет в виду.

- Я никого не хочу погубить, - сказала она. - Я проверяю работу над проектом. Вот и все.

Как разговаривать с детьми, Ариадна представляла смутно, поэтому решила говорить так, как со взрослыми - уважительно и доходчиво.

- Здесь написано по-другому. - Девчонка потрясла книжку, и опять же с удивлением Ариадна поняла, что книга - бумажная. - Ариадна дала Минотавру клубок, чтобы он спустился в царство мертвых за своей матерью Эвридикой и не заблудился там, в Лабиринте. Минотавр проник в Лабиринт царства мертвых, нашел мать, но на обратном пути его подстерег страж царства, непобедимый Тезей, муж Ариадны. Ревнивый Тезей убил Минотавра и с помощью нити Ариадны сам вернулся из царства мертвых в мир живых.

Ариадна готова была поклясться, что никогда не слыхала столь странное переложение древнего мифа. Впрочем, в мифологии она не сильна.

- Я не собираюсь убивать твоего отца, - сказала Ариадна.

- Минотавр мне не отец. Мои родители драпанули, а я осталась.

- Драпанули? - не поняла Ариадна. - Это как?

- Ну... так. - Девчонка приподнялась и изобразила, будто машет крыльями. - Они из «возвращенцев». Работали здесь архитекторами. А потом сели в ракету и отправились на Землю.

- А ты осталась здесь?

- А я осталась здесь.

- Одна?

- Одна. Что тут такого? Чего я на этой Земле не видала? Здесь интереснее. Здесь мой дом.

Что-то Ариадну в поведении и словах девочки смущало, но она не могла понять - что именно? Не решив, чем и как продолжить разговор, принялась внимательно себя ощупывать, проверяя, как комбинезон высох на ней. С полевыми распылителями всегда жди подвоха - пропустят какую-нибудь складку на теле, и - привет, прореха, которую не залатаешь.

- Кстати, - ей вдруг пришло в голову, что они так и не представились, но откуда-то девчонка разузнала ее имя. Хотя сообщение о ее прилете пришло заранее, и Телониус-Минотавр наверняка объяснил воспитаннице, что скоро в их доме появится еще один жилец, - меня ты знаешь, но я тебя - нет. Как тебя зовут?

- Нить, - девчонка перекатилась и рухнула со шкафа вниз. Но прежде чем Ариадна успела испугаться за нее, она стояла перед ней, протягивая руку. - Смешно, да? Нить Дружинина.

Примарка.

- Нить Дружинина, - повторила Ариадна, словно пробуя на вкус имя новой знакомой. - Примарка. А что это такое? Народность?

- Я здесь родилась, - объяснила Нить. - На Венере. Тех, кто родился на Венере, называют примарами.

Девчонка тряхнула головой, намотала на палец выкрашенную в молочный цвет прядку волос, и только теперь Ариадна с изумлением поняла - волосы у Нити настоящие! Не парик, в каких любили щеголять вынужденно обритые модницы, а вполне себе человеческие. Конечно, эпидемия, разносимая космическими вшами, давно миновала, последние вспышки зафиксированы несколько лет назад на какой-то совсем дикой периферии в Поясе астероидов, но человечество чересчур жестко поплатилось за свою беспечность и предпочитало дуть на воду, чтобы еще раз не обжечься на кипятке.

Ариадна хотела спросить Нить, кто ей разрешил ходить с настоящими волосами и распространяется ли разрешение на всех примаров, но передумала. Лишь поставила мысленную галочку в списке нарушений, которые она, как народный комиссар по контролю, обнаружила всего за несколько часов пребывания на Венере.

- Так это твой рояль? - кивнула Ариадна на несуразный для аскезы Минотавра инструмент. Наверняка родители Нити перед тем, как «драпать», пытались привить ей музыкальный вкус - весьма распространенное занятие среди тех, чьи дети рождались не на Земле.

- Его, - вновь тряхнула волосами Нить. - Его мать была знаменитой пианисткой.

- Была?

- Ну да. До тех пор, пока не погибла. А когда воскресла, то утратила свой дар. Ну, как это обычно и бывает у «возвращенцев». - Нить коротко засмеялась, и Ариадна невольно вспомнила Соломею с грубыми протезами на месте уже ненужных ей рук.

- Где я могу найти Телониуса? - Ариадна решила, что продолжать расспрашивать ребенка в отсутствие родителей или попечителей о состоянии дел на инспектируемом объекте - неэтично. Правильнее взять за рога того, кто такую информацию может и должен ей предоставить. А вопросов к Минотавру у нее вполне достаточно. Предстояло еще договориться об инспекции объектов на поверхности Венеры, которые и составляли сердце терраформирования, - так называемых Фабрик. - Или он уже спит там, где его застал сон?

- Он никогда не спит, - возразила Нить. - Он сражается. Бьется.

- Сражается? - не поверила своим ушам Ариадна. - С кем? Ах да... уж не с Тесеем, которому я так и не вручила путеводной нити из лабиринта, поскольку никакой нити у меня и нет?

- Его зовут Пан, - серьезно сказала девочка.

3. Боец

И когда ей уже казалось, что она никогда не доплывет до берега, колени касаются дна. Руки нащупывают твердь. Она встает. Делает шаг, другой. Голова кружится. Но Ариадна продолжает шагать. К берегу.

Темнота только кажется непроницаемой. Легкое свечение пронизывает все вокруг. Недостаточно, чтобы увидеть даль, но вполне хватает на близкие предметы. Плоские слоистые камни.

Вязкая жидкость океана последний раз пытается удержать, а потом с чавканьем отпускает.

Пустынный берег. Черные камни. Еле слышный шорох накатываемых волн. В который вплетается посторонний звук. Будто нечто трескается. Ариадна добредает до большого камня и тяжело опускается на плоскую поверхность. Смотрит туда, откуда вышла. И ничего не понимает.

Больше всего похоже на кадры, наложенные друг на друга. Будто кто-то фотографировал ее. Делал голограммы, а потом спроецировал. Вот она плывет. Вот она встает. Вот она идет. Десятки, сотни фигур. Овеществленные время и движение. Словно она покрыта сотнями пленок, и с каждым движением они слетали с нее и застывали. Точные копии. Которые сейчас разрушаются. Трескаются. Кренятся. Рассыпаются.

Где я?

Кто я?

Почему я?

Сидя на одном месте, ответов не добыть. Вставать не хочется, усталость уговаривает остаться, но Ариадна пересиливает себя. Когда рушится последняя копия, что застыла рядом с камнем на расстоянии вытянутой руки, она поднимается и делает первый шаг, затем другой, оглядывается. И опять видит застывшие фигуры самой себя. Этого не избежать. К этому следует привыкнуть. Даже забавно. И зеркала не надо – шаг вперед и поворот, и вот смотришь на себя, какой была мгновение назад. Можешь даже ткнуть в себя, субстанция еще не застыла, не стала хрупкой. Пальцы погружаются в нее, как в вязкую жидкость.

А затем – невероятное. Смещение, и вот ты опять внутри этого мгновения и смотришь на себя, которая пытается тебя потрогать. А если повторить? Повернуться к предыдущей фигуре и опять коснуться ее? И вновь – смещение. И ты еще на мгновение назад.

Ариадна смотрит на свои отражения, но возвращаться к камню, на котором застыла одна из ее фигур, не желает. Делает шаг вбок. Меняет направление движения. Время ветвится. Ряд отражений раздваивается. И вновь можно вернуться к развилке и опять изменить путь.

Только ли направление? Или это – время? Мир, в котором время пространственноподобно? Тогда каково здесь пространство? Времяподобно?

Не будь у Ариадны такого проводника, она бы ни за что не отыскала Телониуса в лабиринтах Лапуты. Нить провела ее на нижние горизонты атмосферного города, откуда с грузовых платформ стартовали беспилотники, тяжелыми стрекозами переваливали с края в бездну, туда, где бушевали сернокислотные атмосферные вихри, сквозь которые им предстояло прорваться, доставляя на поверхность партии оборудования. Топали голенастыми ногами погрузчики, загребали широкими лапами очередные порции, подчиняясь только одним им

понятной логике и очередности, из-за чего порой им приходилось переключаться множество коробок, добираясь до ящика, притаившегося на самом нижнем ряду. Люди тоже встречались, но они не обращали внимания на Ариадну и Нить, сосредоточенно размахивая палками-светляками, регулируя поток погрузчиков и распределяя их между стоящими в ряд беспилотниками. Почему это нельзя сделать централизованно, через управляющую машину, Ариадна не поняла, поэтому сделала себе мысленную заметку – разобраться.

Двухголовое тело с четырьмя руками, четырьмя ногами, огромным туловищем извивалось, топорщилось, скрежетало в желтой полутьме служебной палубы, освобожденной от грузов. Бойцовскую площадку окружали ящики и тюки, на которых наверняка располагались зрители, но сейчас битва происходила по гамбургскому счету. Две фигуры сходились, сливались, раздавались глухие удары, тяжелое дыхание и механический скрип. Затем единое тело распадалось, раздваивалось, будто чернильная амеба, и тогда на фоне блекло светящейся облачности, что вязко клубилась за пределами площадки, отчетливо прорисовывались тени. В одной из них Ариадна признала Телониуса, а вот вторая хотя и напоминала человека, но человеком не была. Огромная даже по сравнению с Минотавром, собранная из прямых линий и простых фигур, словно сошедшая с картин древнего художника Пикассо. И если в тишине бойцовой арены хорошо различалось тяжелое и хриплое дыхание Телониуса, то от загадочной фигуры исходило лишь странное гудение, похожее на шум включенного на полную мощность охладителя.

- Пан, - шепотом сказала Нить, о которой Ариадна почти забыла, в изумлении наблюдая, как фигуры вновь сходятся в центре площадки.

Минотавр резко выбрасывает вперед сжатую в кулак руку, другую, нанося в корпус противника страшные по силе удары, отчего тот делает шаг назад, чтобы не опрокинуться на спину, но потом пригибается, бьет в ответ, Телониус уклоняется, но второй кулак противника все же поражает его грудь, и человек тяжело отлетает, обрушивается на тюки и остается лежать.

- Вы - сумасшедший, - сказала Ариадна, оттирая тампоном кровь из рассеченной брови Телониуса. - Но меня больше интересует, как вам удалось обойти законы роботехники? Неужели эта... машина не понимает, что причиняет вам вред?

Телониус отвел руку Ариадны и сел. Морщась, потер бок.

Ариадна посмотрела на робота, который башней возвышался над ними. Невообразимо древняя модель, полностью бронированная, приспособленная для штурма Венеры, с ее кислотными облаками и дождями, парниковым эффектом и выжженной почвой. Теперь он служил спарринг-партнером для Минотавра.

- У вас могут быть сломаны ребра, надо сделать рентген.

- Я действовал с максимальной осторожностью, - голос у Пана оказался таким, будто разговаривал не робот, обладающий синтезатором голоса, а холодильник, модулирующий собственное гудение для имитации человеческой речи. - Мои удары соизмерялись с крепостью человеческих костей и упругостью мышц.

Минотавр отстранил Ариадну и неожиданно ловко, одним движением оказался на ногах. Лицо и голый торс покрывали высохшие потеки крови из многочисленных ран. Ариадна поразилась сходству народного комиссара с мифическим чудовищем. Злоба и мощь. Мощь и злоба. И еще голод. Она с изумлением обнаружила в себе, что вид полуголого черного человека пробуждает в ней животные желания, в животе растекается тепло, и не хочется

подниматься, будто коленапреклоненная поза принята ею не для оказания первой медицинской помощи, а для выражения покорности перед хозяином Лабиринта. Возьми и владей...

- Сумасшествие, - пробормотала Ариадна, теперь и сама не понимая, кому ставит диагноз.

Пан, словно фокусник, вытащил откуда-то огромное полотенце и перебрросил Телониусу. Тот принялся яростно вытираться, кряхтя и фыркая.

- У вас такая манера ведения дел, Ариадна? Тайком наблюдать за объектом контроля?

- Объект контроля - не вы, - Ариадна встала. - Объект контроля - проект в целом.

- Скажите еще, что я для вас чересчур мелок, - усмехнулся Минотавр. - Ну да бог с ним. Хотите следить - следите, только под руку не попадайтесь. Рука у меня тяжелая. Да, Пан?

Пан издал протяжное низкое гудение, и Ариадна решила, что таким образом робот изображает смех. Но потом гудение прервалось, и робот сказал:

- Получен сигнал, Телониус.

Минотавр перестал яростно оттираться, замер, опустил полотенце на ближайший тюк.

- Ошибки нет?

- Беспилотники подтверждают сообщение. Район плато Первопроходцев.

- Добро. Пускай готовят машину, я сейчас буду.

- Что происходит? - спросила Ариадна.

- Мне придется вас оставить, народный комиссар, - Телониус направился к выходу с площадки. - Хочу прогуляться по Венере. А вы занимайтесь... занимайтесь, чем хотите.

4. Красное кольцо

Ариадна смотрит на небо, но оно так и остается непроницаемой чернотой. Это не тучи. Это - тьма. Тьма кромешная. Крышка. И ни одного огонька. Ни звездочки, ни спутника. Ни солнца. Единственная мера времени, доступная в этом мире, - накатывание красных волн океана на темный берег. Но что, если и это - фикция? Всего лишь повторение того, что было? Ариадна пытается следить за волнами, уловить мгновение, когда их рисунок повторится, но ничего не получается. Чересчур одинаково. Не запомнить.

Тогда - идти дальше. Не обращая внимания на возникающие за ней копии. Это даже удобно. Если она заблудится, их можно использовать для возвращения в исходную точку.

Вот и время. Каждый шаг приближает к чему-то. Словно нечто вспыхивает на фоне черноты. Искры. Удар кресала о кремень. Ариадна поднимает голову и шагает.

Вспышка.

Еще шаг.

Еще вспышка.

Так, теперь остановиться, прикрыть веки и попытаться восстановить то, что отпечталось в памяти. Это картинка в ней. Нужно только дотянуться.

Конечно! Звездное небо! Множество светящихся огней. Не такое, как ей запомнилось там, где она была раньше. Где она была раньше? Не отвлекайся! Смотри.

А если попробовать двигаться быстрее? Например, бежать? Глупость. Но если сработает? Вот и подходящее место. Словно кто-то протоптал здесь дорожку. Словно здесь кто-то уже совершал пробежки, задрал лицо к черноте, чтобы в ней проступили сверкающие огни.

Ариадна несколько раз вдыхает. До чего же разрежен воздух, будто в горах. Высоко в горах. И бежит. Точнее, переставляет налитые свинцом ноги. Воздух обретает упругость воды, затем – твердость камня. Ариадна силится удержать бег. Дыхание разрывает грудь. Становится жарко. И тут же – чертовски холодно. Казалось бы, невозможно совместить, но ей одновременно жарко и холодно.

Но усилия окупаются сторицей. Словно на фотопластинке проступают пятнышки звездного неба.

Сначала негатив.

Черное на сером.

Затем в одно мгновение – резкая перемена.

Выверт.

Вспышка.

Чужое небо. Совершенно чужое небо.

Небо Ван Гога.

Ариадна не помнит, кто такой этот Ван Гог. Но убеждена – его небо.

Крупные диски звезд, вокруг которых заворачиваются световые спирали, расходясь лохматыми концами и сливаясь в межзвездной пустоте потоками искр всех цветов и оттенков.

На такое можно смотреть бесконечно.

Небо – живое!

И близкое!

Протяни руку, и пальцы погрузятся в потоки красок.

С высоты казалось, будто по желто-багровой поверхности планеты разбросаны дырчатые черные кубики. Плато Первопроходцев не отличалось ничем от множества других плато Земли. Аштары – нечему уцепиться взглядом. На фоне поверхности, окружавшей Фабрику, Красное кольцо почти не заметно, только если присмотреться, можно различить словно бы подрагивающий ободок, очерчивающий черные кубики.

- Фабрика-три, я - Минотавр, доложите ситуацию, - глухо сказал Телониус, но в ответ получил все тот же выплеск могучего рева помех.

Ариадна сидела в одном из задних кресел, предназначенных для пассажиров, разглядывала в выпуклое зеркало над пультом искаженное, распухшее отражение Телониуса. Особое сходство с мифическим чудовищем ему придавал шлем с выступом дыхательного агрегата, изогнутыми рогами-антеннами и выкаченными зеркалами-буркалами светофильтров и дальномеров. Десантно-штурмовой комбинезон обтягивал тело Минотавра дополнительным каркасом псевдомышц, руки паковались в трехпалые перчатки, а ноги - в раструбы охладителей, похожих на чудовищные копыта, откуда курился еле заметный дымок хладагента, что придавало Телониусу совсем уж inferнальный вид.

Верный Пан разместился рядом с Минотавром. Для огромного робота здесь не хватило бы места, поэтому кресло второго пилота было выдрано, а из безобразной дыры торчали провода, напрямую подсоединенные к разъемам Пана. Робот сидел на полу, но башку ему все равно пришлось втянуть в плечи, чтобы не задевать металлическим теменем электрические коммуникации и трубки гидравлики.

- Сколько их? - спросила Ариадна.

- Четырнадцать человек, - ответил Телониус. - Стандартная рабочая смена.

- Четырнадцать? Ну, конечно... - Ариадна посмотрела на соседнее кресло, где затаилась Нить. Девчонка выползла в кабину из какого-то убежища только тогда, когда «Циклоп» пробил кислотный облачный слой и перешел из отвесного падения в горизонтальный полет. Приложив пальчик к губам и скорчив виноватую рожицу, Нить забралась в кресло. Телониус наверняка ее заметил, но промолчал, может, посчитав слова излишними. Времени и так в обрез, чтобы ради бедовой девчонки, зайцем проникшей в «Циклоп», возвращаться в Лапуту. А значит, и Ариадне не резон вмешиваться в семейные дела. Она сама здесь на птичьих правах. Ее мандат не предусматривал обязательного участия в подобных ситуациях. Соответствующий пункт расплывчато оставлял это на усмотрение полномочных лиц. То есть на усмотрение Минотавра.

Тем временем Красное кольцо вокруг Фабрики стало изменяться. На нем возникли регулярные вздутия, и Ариадне пришло в голову сравнение с Уроборосом, проглотившим стадо слонов. Слоны брели друг за другом прямо в пасть змея, а он их глотал, проталкивая их туши дальше к хвосту.

Ариадна на мгновение прикрыла глаза. Что за бред?! А когда открыла их, то увидела, как из кольца бьют ослепительные фонтаны света.

Включилась диспетчерская, и женский голос произнес:

- Огневики отпочковались, Минотавр.

- Вижу, - процедил Телониус. - Скажите мне то, что я не вижу.

- Пытаемся пробросить резервный канал, но пока ничего не получается...

- Слышу, - еще злее процедил Телониус. - Давай, девочка, давай. Что-нибудь, что я не вижу и не слышу!

Девочка замолчала, как показалось Ариадне - в растерянности. Но вот динамики в кабине «Циклопа» вновь ожили:

- Орбитальные лазеры приведены в полную готовность, Минотавр. Ждем приказа, - на этот раз голос был мрачен и принадлежал мужчине.

- Добро. Ждите. Иду на посадку. Как только вытащу всех, не медлите. Сделайте там еще один филиал ада.

- Ад в аду? Сделаем, Минотавр. Удачи и спасения.

«Циклоп» резко пошел вниз, будто кто-то обрезал нить, которая удерживала этот летучий утюг.

5. Фабрика

Ариадна спотыкается и летит на землю. И только тогда понимает, что камень преткновения спас ее. Иначе - удушье. Она словно вырвалась из петли. Словно кто-то все же повернул вентиль баллона. Воздуха в нем мало, очень мало. Но это лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

Встать. И идти. И смотреть. Ко всему привыкаешь.

Что дальше? Нужна цель.

Где она?

Ариадна замирает и видит, как она продолжает идти. Несколько Ариадн отслаиваются от нее, будто мыльные пузыри надуваются, дрожат, но продолжают шагать, в свою очередь почкуясь на все новые и новые Ариадны, которые расходятся в стороны, перебирая варианты движения. Некоторые ответвления быстро гаснут, лопаются, исчезают, другие длятся гораздо дольше, исчезая в запутанных лабиринтах нагромождения слоистых камней.

Неуверенный шаг, но ничего страшного не происходит - она сливается с впереди стоящей фигурой самой себя. Словно лопнул мыльный пузырь. Даже брызг нет. Сзади? Сзади как и раньше - прошлое отвердевает. Оказывается прочнее грядущего.

Путеводная нить ее мыльных пузырей - вот тот путь, по которому она пойдет. Или пошла? Детерминированность или свобода? Хочется вкусить свободы, поэтому Ариадна пытается сделать шаг в сторону, свернуть в боковой проход, но не получается. Курс задан.

Она, будущая, выбрала из множества попыток, блужданий именно его. И не ей, настоящей, оспаривать выбор ее будущей.

Она взбирается на гребень, изредка оборачиваясь, чтобы еще раз увидеть все тот же океан до самого горизонта, багровый океан, из которого вышла.

Над океаном действо.

Только теперь стало видно, насколько Фабрика огромна. Сотни их распределены по Венере, и еще тысячи продолжали закладываться, возводиться, вступать в строй, запускать производство наноботов. Работающую в нормальном режиме и на проектной мощности Фабрику легко отличить - из дырчатых кубов непрерывно бьют струи темного дыма, выбрасывая триллионы и

триллионы крошечных, невидимых глазу механизмов в миллионах различных модификаций. Они рассеивались в облачном слое, внедрялись в почву, чтобы приступить к пока еще не фиксируемой самыми чуткими приборами работе по выстраиванию и запуску сложнейших физико-химических процессов, конечным результатом которых и станет преображенная Венера. Венера без кислотных облаков и суперротации, Венера без раскаленных пустынь и сильнейших атмосферных бурь, Венера без парникового эффекта, Венера, пригодная для того, чтобы стать домом миллиардам воскрешаемых людей, «возвращенцам».

Однако и то, что выглядело с высоты тонким, едва различимым красным кольцом, охватывающим Фабрику, вблизи предстало весьма грозным явлением. Словно где-то разверзлось жерло вулкана и изливало густую, багровую, раскаленную лаву, и эта лава текла непрерывной могучей рекой по замкнутому кругу, без единого прохода на превращенную в остров территорию Фабрики.

Ариадна пыталась вспомнить, что ей известно про Красное кольцо, но сведения Информатория оказались еще скуднее, чем ее собственная память.

Перед полетом на Венеру она, как обычно, провела несколько десятков бесед со специалистами, которые плотно занимались и планетой, и проектом, говорила с первоосвоителями, теми, кому довелось в авангарде высаживаться на поверхность негостеприимной планеты, читала архивные материалы, и, несомненно, упоминания о Красном кольце ей попадались на глаза.

Природа феномена не установлена. Ученые лишь соглашались, что это весьма своеобразная форма кристаллических пород Венеры, но назвать ее жизнью ни у кого не поворачивался язык. Красные кольца возникали по непонятным причинам из многочисленных трещин в раскаленной поверхности планеты, выдавливаясь оттуда густой и поначалу хаотичной массой, которая затем формировала вот такие почти идеальные окружности. Через несколько суток кольца распадались, втягивались обратно в трещины.

Но Ариадна была убеждена твердо – в этой скудной информации никогда не упоминалось о том, что Красные кольца порождают Огневики.

Похожие на сгустки пламени Огневики атаковали Фабрику. Там, где они соприкасались с защитным силовым полем, возникало радужное свечение, сплетенное из правильных геометрических фигур – шестиугольников, квадратов, кругов, и Ариадна не сразу догадалась, что видит отпечатки структуры Огневиков, упрятанной в пылающую оболочку.

Ариадна хотела спросить Минотавра, что он собирается делать дальше, но не успела. Могучий удар в днище подкинул «Циклопа», завертел вокруг оси, резко вздернул за один край, другой, намереваясь перевернуть машину. Ремни впились в тело, и Ариадне показалось, что еще немного, и они расчленият ее, а если не расчленият, то сломают кости и размозжат внутренности, но дикая скачка столь же внезапно прекратилась, свет в кабине погас, и Ариадна поняла, что машина перешла в свободное падение.

Включилось аварийное освещение – тусклое и прерывистое, как стробоскоп. С трудом повернув голову, Ариадна встретилась взглядом с Нитью и с запоздалым раскаянием подумала: все же стоило вернуть ее обратно на Лапуту. Но Нить, судя по всему, ничуть не испугалась происходящего. Она вроде даже подмигнула Ариадне, словно ничего экстраординарного не случилось. Или так и было? Все шло в рутинном режиме, и эти толчки, удары, аварийное освещение – лишь особенность выхода из зоны суперротации в спокойные слои венерианской

атмосферы?

Нет, не может быть! Что-то происходило отнюдь не в штатном режиме! Ариадна это чувала благодаря богатому опыту работы в космосе. Нить что-то говорила, но Ариадна не слышала, так как «Циклопа» положили на гигантскую наковальню и принялись молотить по танку огромным молотом, пытаясь то ли расплющить его, то ли расколоть, как орех. Но как и всякий опытный космист, Ариадна умела читать по губам – обязательный навык в космосе, где звуковые каналы связи в чрезвычайных ситуациях прерывались с большей легкостью, нежели визуальные.

И опять она обманулась в предположениях, которые вихрем промчались в голове, подыскивая слова, что укладывались в шевеление бледных губ девчонки. Молитва? Жалоба? Просьба о помощи? Слова успокоения ей, Ариадне?

Нет, нет и нет!

«Это лучший из миров».

Вот что повторяла Нить. Ту знаменитую фразу, внезапно обретшую вторую жизнь спустя почти шестьсот лет с тех пор, как французский мыслитель и писатель вложил ее в уста одного из героев. С тех пор афоризм растерял ироническую коннотацию, взамен обретя серьезность идейной максимы, почти императива.

Это лучший из миров!

6. Огневик

От черного сгустка спускается, извивается тончайшая нить, поначалу еле заметная, но затем все четче прорисовываясь, набираясь словно бы грубой материальности, сворачиваясь в спутанные клубки, но затем вновь распрямляясь, делая очередной рывок к поверхности океана. Между ними будто невидимая преграда, нечто препятствует черному сгустку забрасывать нить все глубже и глубже, сопротивляется, отталкивает, но затем уступает, и нить ниспадает ниже, ниже. Ариадна различает, что это скорее тугой вихрь, причудливо изгибающийся смерч, жадно тянущийся к океану. И вода ощущает его приближение, в ее глубине возникает тусклое багровое свечение, мельтешение огоньков, похожих на крошечные коконы, эти коконы поднимаются навстречу смерчу, танцуют, толкают друг друга, точно борются за право оказаться первыми на поверхности. А затем смерч касается океана, один из коконов проникает внутрь черноты, становится еле видимым, продвигаясь все выше и выше, к черному сгустку. Но в вихре образуются спазмы, он дергается из стороны в сторону, извивается, будто проглоченный кокон ядовит и его надо немедленно исторгнуть обратно, выbleвать. И, в конце концов, это удается – с громким хлюпаньем светящийся кокон падает на берег, неподалеку от Ариадны.

Она не движется, ждет, но от нее отделяются полупрозрачные фигуры, которые расходятся в стороны, затем по искривленным траекториям, будто их притягивает, соединяются у бледного кокона, уплотняются, и Ариадна внезапно обнаруживает себя там, рядом с ним, протяни руку и дотронешься до рыхлой поверхности. И рука послушно дотрагивается, сгребает бледную субстанцию, которая громко чавкает, и Ариадна с брезгливостью отбрасывает ее в сторону.

Внутри что-то есть.

Более твердое, темное.

Ариадна рвет оболочку, разбрасывает в стороны сочащиеся противной жижей куски и видит то, что уже знает – должна увидеть.

Темная полоса висела в тускло-багровом небе – след прорыва «Циклопа» к Фабрике. Машина накренилась на одну гусеницу, в оспинах и подпалинах, и не верилось, что сверхзащищенный и сверхвооруженный атомный танк нечто может подпалить и изъязвить.

- Зачем Телониус хочет уничтожить Фабрику? – спросила Ариадна Пана, которого Минотавр оставил с ней – присматривать. – Ведь Красное кольцо именно это и делает.

- Нет, – сказал Пан. – Красное кольцо не уничтожает Фабрику, оно ее перестраивает с помощью Огневиков. Перестраивает все процессы.

- Для чего?

- Нет информации, – помедлив, ответил Пан, и у Ариадны возникло подозрение, будто робот солгал, хотя позитронный мозг подобных роботов не мог лгать.

Ариадна ощущала себя как после чудовищно тяжелого разгона в поле Юпитера, когда корабль глубоко ныряет в гравитационный колодец гиганта, чтобы набрать вторую космическую скорость и устремиться по нужной орбите, сберегая драгоценную воду для эмиттеров Кузнецова. Хотелось сесть, а еще лучше – лечь. Она подошла к выступу вентиляционного колодца, почти опустила на него, но внезапно обнаружила себя вновь стоящей. Мышцы напряглись, покалывание включенного в боевой режим экзоскелета окатило с ног до головы, изгоняя усталость и апатию.

Нить!

Нить, про которую она и думать забыла, ибо та не попадалась ей на глаза с момента посадки! Теперь девчонка веселым, прогулочным шагом, широко размахивая руками, подпрыгивая, направлялась к Красному кольцу, как раз туда, куда втянулся вспоротый лазером «Циклопа» Огневик. Огневик восстанавливал старую форму, студенисто подрагивая, вытягивал ложноножки и приобретал неприятное сходство с человеческой ладонью, которая готовилась вновь прихлопнуть «Циклопа» и людей.

Глядя на бедовую девчонку, Ариадна ясно представила: та не только марширует, но и напевает во все горло. Ее старинный скафандр не имел стандартных каналов связи, а потому от Нити ничего не доносилось, и нельзя было вызвать ее и строго приказать возвращаться под защиту «Циклопа». Ариадна со злостью подумала о Минотавре, который не обращал на воспитанницу никакого внимания и даже слова не сказал, чтобы Ариадна за ней присмотрела.

Словно посторонняя сила подхватила Ариадну и понесла вслед за Нитью на пределе возможностей экзоскелета, отчего она даже не бежала, а совершала огромные прыжки, взмывая, отталкиваясь и вновь взмывая, с отчаянием понимая, что даже в таком режиме она вряд ли успеет. Девчонка двигалась чертовски резво, а чудовищная пятерня Огневики словно почувствовала приближение человека и стала наклоняться, то ли собираясь прихлопнуть Нить, то ли стиснуть в пламенеющем кулаке и вознести на такую высоту, откуда Ариадна даже в экзоскелете не сможет ее достать.

Назойливый писк предупреждал о чудовищном расходе энергии. Ариадна с ужасом и ненавистью ждала – вот-вот включится режим принудительного энергосбережения, ибо в

противном случае сдохнут системы жизнеобеспечения – фильтрация кислорода и терморегуляция. Но не сбавляла ход, точно безмозглый ночной мотылек, устремленный к пламени свечи.

- Стой! Нельзя! Опасность! – в наушниках раздавался механический глас Пана. Он наверняка бежал за ней, но громоздкому роботу не угнаться за человеком в экзоскелете!

Огненная рука неотвратимо опускалась на Нить, которая внезапно остановилась, обернулась, и Ариадна ясно увидела ее смеющееся лицо. Ей вдруг пришла жуткая мысль, которую она не успела додумать до конца, но что-то связанное с ловушкой, с рефлексом спасти из беды другого человека, а еще о странном равнодушии Минотавра к присутствию на борту «Циклопа» воспитанницы.

Но тут все резко прекратилось.

Огневик перехватил ее в прыжке, стиснул, опалил нестерпимым жаром и потащил к бурлящей лаве Красного кольца.

Далеко внизу смеялась Нить Дружинина, откинув колпак скафандра, привычным движением наматывая прядку волос на пальчик. Ей были нипочем ни чудовищная температура, ни отсутствие кислорода, ни соседство Красного кольца.

7. Океан Манеева

- Ты не устаешь это делать снова и снова? – Ариадна понимает голову и видит говорящего с ней. И почему-то совсем не удивляется. словно бы знала об этом с их самой первой встречи, когда странная девчонка лежала на шкафу и читала легенду о Минотавре.

Нить стоит в полосе прибоя, как есть, без эфемерной оболочки древнего скафандра, и багровые волны тяжело накатывают на голые ноги девочки. Она смотрит на Ариадну со странным выражением, столь несоответствующим ее видимости костлявого подростка. Интерес, жалость, злость, удивление волнами прокатываются по лицу Нити. А еще усталость и тоска. Будто Ариадна действительно снова и снова является на этот берег, к величайшему удивлению и раздражению девочки.

- Что это за место? – Невежливо отвечать вопросом на вопрос, но Ариадна понимает – Нить и не ждет объяснений, ей даже кажется, как ни странно, что девочка спросила кого-то другого, кто незримо здесь присутствует.

- Океан Манеева, – говорит Нить так, будто сказанное объясняет все, дает ответы на множество иных вопросов, которые могут возникнуть у Ариадны.

- Не понимаю, – признается Ариадна. Неожиданный укол вины, тень сомнения в собственном непонимании, будто она все же получила исчерпывающее объяснение, но потеряла, а хуже – позабыла к нему ключ.

- Ты неблагодарна, – выносит вердикт Нить и делает шаг назад, отчего волны захлестывают ее теперь по пояс, и кажется, что девочка это сделала лишь для того, чтобы хоть так прикрыть часть наготы. – Он спустился за тобой в Океан, нашел среди миллиардов душ и вернул в ваш мир, но ты предала его... предала... – последние слова она шепчет.

- Я не предавала Минотавра! – Ариадна повышает голос, слова Нити уязвляют.

- Тезея. Ты предала Тезея, - Нить отводит руку, и будто по мановению поверхность океана вздыбливается. Колоссальная волна набирает силу и вот-вот обрушится на берег стеной цвета крови, но по ней словно проходят невидимые руки скульптора, формируя грубую заготовку, а затем преображая ее в огромный бюст. Голова человека. Гладкий череп, закрытые глаза, стянутые в нить губы, могучий упрямый подбородок. Интеллект, упрямство и гордыня - вот что мог прочесть по лицу даже самый неискушенный физиогномист.

- Он любил тебя. Тосковал по тебе. Искал тебя во всех посмертных лабиринтах. Пока не пришел на этот берег, к Океану Манеева. Он нарушил все законы мироздания. Вывел из покоя и равновесия. Взбудоражил. Вызвал волны и ветры. Искал тебя среди миллиардов душ, пока не нашел и не вывел обратно в свой мир... А ты... ты... - Нить вскинула руку, устала указательный палец на Ариадну. - Ты не захотела вспомнить, что любила его... ты забыла! Забыла! Забыла!

- Ты не права, Нить, - раздался голос, и Ариадна не сразу поняла, кто говорит. Словно шум бури, рев ветра и грохот волн по странной причуде сложились в подобие человеческой речи. И лишь подняв глаза выше, она убедилась в своей догадке. Говорило чудовищное лицо, что багровой горой воздымалось из Океана Манеева. - Я тебе говорил...

- Я права, права! - Нить капризно ударила кулаком по поверхности багровеющей субстанции, и та плеснула тяжелыми брызгами. - Не защищай ее! Ты не видел... ты не видел, как она смотрела на Минотавра! Он дрался с роботом, а она смотрела! Так смотрела... - Девочка запнулась, закрыла глаза ладонями, сгорбилась.

- Она не виновата, Нить. - Лицо разомкнуло уста. - Таков закон ноосферы. Только воскресив всех, можно воскресить каждого в его полноте и целостности... Воскрешая избранных, приходится мириться с их ущербностью... кто-то лишается таланта... кто-то лишается любви...

- Поэтому ты вернешь и Минотавра? - Нить вновь выпрямилась, полуобернулась к багровеющему лику. - Ведь без него у тебя ничего не получится... и ее... ты опять вернешь ее, чтобы она мешала Минотавру, вредила ему, отвлекала! Оставь ее здесь! Оставь! Не нужно никакого воскрешения! Оставь Венеру в покое!

Ариадна смотрела и слушала, и почти ничего не понимала. Словно оказалась на заключительном акте драмы, и теперь по репликам со сцены пытается восстановить то, что происходило в предыдущих действиях.

- Я не могу, - произносит лик. - Ариадна нужна ему. Это не любовь. Это ненависть. Она тоже вернется... но не сможет помешать Минотавру, клейменологи помогут. Венера должна стать пригодной для всех воскрешенных, должна стать для нас раем... обновленной Землей...

- Они считают ее адом, - зло сказала Нить. - И рвутся на Землю... их ты тоже одаришь клейменологами?

- Не ведают они, что уготовано им...

- Я все равно опять ее убью, - говорит Нить, в голосе нет ненависти, злости, лишь обреченность. - И ты не сможешь помешать. Не сможешь мне помешать отдавать ее Огневикам... толкать с края Лапуты... заставлять клейменологи не напоминать ей дышать... Ты ведь знаешь, как она задыхается? Ведь первый... самый первый раз она погибла от удушья? Отдала весь кислород тебе, чтобы ты жил... а она умерла! Это был ее выбор, и тебе следовало с ним смириться! А не приходите на берег Океана Манеева...

8. Клайменоли

Свернувшийся в позе эмбриона темный человек.

Ариадна осторожно касается его лысой головы, гладит неожиданно нежным движением, будто одновременно хочет разбудить, но чтобы его пробуждение наступило как можно мягче, постепенно уступая уют сна напору бодрствования. Могучее, мускулистое, словно вырезанное из эбенового дерева самим Микеланджело тело вздрагивает, по нему будто пробегает электричество, по каждому мускулу, сочленению, глаза открываются, встречаются взглядом с Ариадной.

- Ари... Ариадна? - с усилием произносит человек, и вместе с этими звуками из него исторгаются потоки темно-багровой жидкости, той самой, из которой и состоит океан.

Пробуждающий клайменоль легко стукнул по виску, и в голове возникло жужжание, как от вибробудильника. Клайменоль зрения ударил по векам, и Ариадна открыла глаза. Телониус сидел там же и в той же позе, что и накануне вечером.

«Трогательная забота», - подумала Ариадна, а еще ей пришло в голову: как хорошо, что для этих мыслей ей никакие клайменоли не нужны. Мысли продолжали самостоятельно течь непрерывным полноводным потоком, невзирая на катастрофу с ее нервной системой. Стукнул губной клайменоль, и Ариадна сказала:

- Доброе утро, Минотавр. Напрасно вы не спите, мне не нужна сиделка... - Губной клайменоль легким касанием прервал ее. А может, он сообщал о том, что пора чистить зубы?

Множество шариков застучало по телу, подавая сигналы вставать с кровати и пройти в туалетную комнату для утреннего омовения. Даже в душе они кружили вокруг плотным облачком, указуя, где стоять, как поворачиваться, дабы тугая струя воды выгнала из сочленений последние остатки дремы.

Клайменоль стукнул по уху, Ариадна услышала Минотавра:

- Как себя ощущаете? - Именно так и сказал - не обычно вежливое «чувствуете», а «ощущаете».

Губной клайменоль напомнил о необходимости отвечать:

- Спасибо, Телониус. Странное ощущение, если говорить откровенно. Но врачи обещают, что все придет в норму. - Ариадна посмотрела себе на грудь, по которой мерно стучал клайменоль, напоминая о необходимости делать вдохи и выдохи. - Что с людьми? С Фабрикой?

Клайменоль стукнул по губам, прерывая речь, другой коснулся уха:

- Фабрика уничтожена, - сказал Минотавр. - Не Огневиками, по моему приказу. Вот, взгляните. - Сработал глазной клайменоль, и Ариадна увидела на экране видеофона трансляцию с беспилотника, который, судя по всему, кружил над тем местом, где когда-то высился колоссальный куб Фабрики. Теперь там оплавленная проплешина с длинными выбросами какого-то белесого вещества, обведенная правильным кругом - место, где лежало Красное кольцо.

- Это лейкоциты, - клэйменоль заставил говорить. - Защитные системы мироздания, Телониус. Мы никогда не сталкивались с такими объектами, но мы не занимались перестройкой целых планет, понимаете? Представьте, что вы решили в доме, в котором живете, передвинуть стены, прорубить дополнительные окна. Как, по-вашему, на это отреагирует тот, кто дом проектировал и строил? Он постарается не допустить этого. Начнет с мягких уговоров. Вот вам и «возвращенцы», которые разочаровались в проекте терраформирования и бегут на Землю вопреки запретам. А если уговоры не подействуют, то капитальную перестройку остановят принудительно. И вокруг Фабрик возникают Красные кольца и Огневики...

Ариадна хотела остановиться, перевести дух, но клэйменоль настойчиво стучал по губам - говори, говори, говори!

- Мироздание кем-то построено, Телониус. Не нами. Мир очень красив, Телониус. Мы не понимаем всей глубины замысла, и оттого он кажется нам порой безобразным, нелогичным. Но это не оправдание перекраивать его под свои сугубые нужды... - клэйменоль стукнул по ушам, и Ариадна с облегчением замолчала. Ее черед слушать.

Минотавр стоял у круглого окна и смотрел на облака Венеры. Стоял набычившись, втянув огромную голову в широченные плечи, облитый багровым отсветом, будто кровью. Ариадна внезапно вспомнила, что точно так он стоял перед очередной атакой на Пана, на железного спарринг-партнера, победить которого даже у него, Минотавра, не имелось никаких шансов, но он продолжал биться, со всей мочи впечатывая кулаки в стальной корпус древнего робота.

Все напрасно, пронеслось в голове у Ариадны, все напрасно, Нить. Как бы вам ни хотелось, но он не остановится, ничто его не остановит.

Вы, превратившие меня в полностью послушное вам существо, ошиблись, не рассчитали. Вы великолепные архитекторы мироздания, но никудышные инженеры человеческих душ. Вы не сможете его переубедить, он не остановится. Никогда. До самой смерти, а если ему опять придется умереть, я снова спущусь за ним к Океану Манеева. Ведь я - Ариадна, и путеводная нить все еще в моих руках.

Игорь Вереснев

Талант рисовать звезды

Сгусток вещества и энергии замер в трехмерной пустоте, готовясь к транспространственному смещению. По многовековой традиции сгусток назывался «космическим кораблем», а смещение - «межзвездным полетом». Странная традиция. Что общего с кораблем у хрупкой ажурной конструкции, похожей на опоясанную кружевами гирлянду мыльных пузырей? И кто сравнит с полетом смену трехмерной локали? Предки, придумавшие эти названия, были такими наивными. Они рассуждали о скорости света, космологической постоянной, метрике Шварцшильда, разрабатывали теории струн и бран. Предки верили, что живут во Вселенной!

Корабль упрощал себя, готовясь к фазовому переходу. Гасли энергетические цепи, отключались защитные поля, автоном-модули и подсистемы обеспечения, засыпали борт-интеллекты. Спал законсервированный в соты экипаж. Лишь малочисленная вахта бодрствовала, обеспечивая функционирование трех главных составляющих корабля. Вахтенный инженер обслуживал энергетическую начинку, вахтенный кибернетик - интеллектуальную, вахтенный стюард следил за состоянием навигатора. Вскоре и они заснут - провалятся в обморок? в кому? - на своих рабочих ложементх. На миг. Или на миллиарды лет? Как сосчитать, когда пространство сжимается в точку, а время растягивается в бесконечность?

Затем корабль исчез, прекратил свое существование как материальный объект. Информационный дамп был к тому времени успешно снят, и ни одно событие в трехмерной реальности, которую корабль покидал, не могло повлиять на его появление в точке назначения. Разве что...

Алидор проснулся. Расположение светящихся огоньков перед глазами сообщало, что наступило утро, а их изумрудно-зеленый цвет – что это утро доброе. Стандартно-доброе утро стандартного рабочего дня многомесячного трансгалактического рейса. Он шевельнул пальцами. Повинуясь команде, насыщенная кислородом консервирующая пена отступила, впиталась в пористые стенки кувезы. Крышка истончилась, стала прозрачной, распалась пожухлыми лепестками. Кувеза подобострастно приподняла изголовье, и Алидор ступил на пружинящий пол соты.

Остатки высохшей пены неприятно стягивали кожу, раздражали, но это проблема трех шагов и десяти секунд. Алидор сделал эти шаги, остановился в фокусе ионного душа. Следующий шаг – в тугую ярко-оранжевую мембрану. Мембрана прильнула к чистой, гудящей после массажа коже, натянулась, облепила всего. Лопнула, одевая в рабочий комбинезон. И тут же затянулась снова, отделяя его от соты.

В «предбаннике» Алидор задержался немного дольше. Во-первых, он поиграл мускулами, разминая их статическими упражнениями. Разумеется, за время консервации они не потеряли упругость, но ощущать тело было приятно. Во-вторых, Алидор заметил зеленый глазок над четвертой сотой. Даже если их разбудили одновременно, женщине требуется больше времени, чтобы перейти в режим бодрствования. Особенности анатомии, физиологии и психологии.

Мембрана четвертой соты вспучилась, вылепливая прекрасный торс. Лопнула. Диона, как всегда обворожительная, – рабочий комбинезон не мог испортить ее красоту, – вышла в «предбанник». Увидела Алидора, улыбнулась.

– Доброе утро, милый!

– Доброе утро! – Алидор привлек к себе жену, обнял, поцеловал. И убедился – верно, ни один мускул не потерял упругость.

Однако время для супружеских ласк пока было неподходящим. Алидор с сожалением отстранился, шагнул в наружную мембрану. Рабочий день начался.

Голубовато-серая мембрана не растягивалась, не прилипала к телу. Она попросту исчезла, пропуская их в кают-компанию. Вахтенный стюард вскочила с кресла, соблюдая субординацию.

– Доброе утро капитан! Доброе утро, доктор!

– Доброе утро, стюард.

Следующей традиционной фразой было: «На борту все благополучно?» Но Алидор ее не произнес. По еле заметно дрожащим губам девушки и нервному румянцу на щеках понял – не благополучно.

– Кто? – спросил коротко.

– Навигатор Орвус.

Алидор сумел удержать возглас, только желваки перекатились под кожей. Диона оказалась не такой стойкой, охнула.

- Что с ним?! Он жив?

- Да. Жив и функционирует... кажется. Я не смогла с ним связаться.

- Подробнее! - потребовал Алидор.

- Я проснулась и, согласно регламенту, отправила запрос навигатору и вахте. Кибернетик и инженер ответили, навигатор - нет. Тогда я попробовала вступить с ним в непосредственный контакт. Он и на это не откликнулся. Я подключилась к его системе жизнеобеспечения, и... - девушка запнулась - ...там критические ошибки.

Она хотела что-то добавить, но Диона уже не слушала, выскочила из кают-компании. Алидор поспешил за ней.

Большую часть навигационной рубки занимал прозрачный резервуар, заполненный густой, насыщенной кислородом жидкостью. Он был таким большим, что прилепившийся к нему ложемент вахтенного стюарда и консоль системы жизнеобеспечения казались игрушечными. И существо, плавающее в резервуаре, выглядело непомерно огромным. Раздувшаяся, разбухшая плоть, покрытая белесой лоснящейся кожей, теряющиеся в складках жира конечности, голова, ставшая одним целым с торсом: более всего существо походило на созданный извращенным воображением аэростат и менее всего - на человека.

Жидкость в резервуаре была прозрачной, потому казалось, что навигатор парит в невесомости, привязанный к стенам десятками шнуров. Собственно, так оно и было. Но не к стенкам резервуара тянулись интерфейсные кабели, а к бортовым интеллектам, снабжающим навигатора необходимой информацией, выполняющим его команды.

Диона вновь охнула, возмущенно оглянулась на стюарда:

- Как ты допустила такое?!

- Он был в нормальном состоянии, когда я заснула...

Слушать оправдания доктор не пожелала, оттолкнула девушку, подбежала к консоли. Не тратя время на попытки визуального и вербального контакта, вставила шунты в лобный и височные разъемы, опустилась в ложемент.

Алидор тоже подошел к консоли.

- Что с ним, можешь сказать?

Диона отмахнулась. Не мешай, мол, дай разобраться. Капитан обернулся к Эвите:

- Говоришь, был нормальным? Сколько же он пробыл в сингулярности... Что заставило его медлить, что мешало выполнить смещение?

Вопросы были риторическими, но Эвита, украдкой облизнув губы, решила высказаться:

- Капитан, мне показалось, что Т-смещение еще не закончилось. Мы по-прежнему в

сингулярности.

Алидор смерил подчиненную скептическим взглядом. Эвита, крупная, как и положено стюарду, была почти на полголовы выше, но это не мешало капитану смотреть на нее сверху вниз.

- Стюард, позволь напомнить, что пока идет смещение, борт-интеллекты не могут функционировать, автоматика корабля отключена. Следовательно, некому разбудить вахту.

Капитан объяснял общеизвестное. Но Эвита не сдавалась.

- А если это он нас разбудил? - Девушка кивнула на резервуар. - Понял, что случилась беда и...

- Фантазируешь, - капитан покачал головой. - Ладно, сейчас разберемся.

Он повернулся, вышел из рубки. Эвита помедлила, размышляя, как быть: остаться или идти за ним? Остаться означало маячить перед глазами у доктора, чувствуя себя без вины виноватой. Она выбрала второй вариант.

Алидор поднимался на капитанский мостик. Святая святых корабля, стюарду, даже вахтенному, делать там нечего. Но если не гонят, то почему бы не заглянуть одним глазком? Эвита юркнула в приоткрытую дверь. И замерла, судорожно прижавшись спиной к переборке.

Она словно оказалась в открытом космосе, в пустоте без конца и без края. Понадобилось не меньше минуты, чтобы органы чувств уловили тонкую оболочку, ограничивающую эту пустоту. Не бесконечность, всего лишь сфера, заполненная темнотой. Узкая прозрачная эстакада уходила от двери к центру сферы, к крошечной площадке, на которой не было ничего, кроме кресла и консоли управления. Капитан шел по эстакаде, а у Эвиты колени дрожали от этого зрелища. Стюард - не пилот, ему дозволено страдать агорафобией.

Капитан опустился в кресло, активировал консоль. Ничего не изменилось, поверхность сферы осталась непроницаемо черной. Тогда Алидор включил интерком и, едва над консолью засветилось голубоватое облачко экрана, спросил:

- Гайта, что с кораблем?

- Тестирую. Пока отклонений не обнаружено. Сохранение и восстановление дампа прошли штатно. Все системы функционируют, в обшивке модулей повреждений нет.

- Ладно, работай. - Алидор повел рукой, сменяя лицо на экране: - Лейк, борт-интеллекты активированы?

- Так точно, капитан. Проснулись и пашут. Но есть одна проблемка: какая-то ерунда транслируется с внешних датчиков. Интеллекты не могут понять, что находится вне корабля... - Он нервно хихикнул. - И есть ли вообще это «вне». Скорее всего, механические неполадки. Я скажу Гайте, чтобы починила?

- Скажи.

Изображение на экране опять сменилось, теперь без участия капитана. Лицо Дионы не предвещало хороших новостей из навигационной рубки.

- Алидор, Орвуса нужно срочно отправлять на консервацию. Я диагностировала обширное

кровоизлияние в мозг неизвестного генезиса. Похоже на чудовищное нервное перенапряжение. В любом случае, я ничем не могу ему помочь. Только немедленная консервация...

- Нет! - оборвал ее капитан.

- Что? - Доктор, не ожидавшая отказа, уставилась на него.

- Я не разрешаю извлекать навигатора. Ты можешь его привести в чувство, хоть ненадолго? Электрический разряд, инъекция - не знаю! Ты же врач, придумай что-нибудь!

Лицо Дионы застыло.

- Ты понимаешь, о чем просишь?

- Да, я понимаю. И это не просьба, это приказ. Если ты можешь привести навигатора в чувство - сделай.

Несколько секунд доктор молча смотрела на капитана. Затем отключилась. Алидор медленно повернулся, замер, выискивая в темноте силуэт Эвиты. Увидел, наконец. Произнес:

- Ты права, фантазерка.

Эвита хотела уточнить, в чем именно она права. И тут на черной поверхности сферы вспыхнула звезда. Вторая. Третья...

Алидор вскочил с кресла:

- Молодец, Орвус! Давай, давай же, вытаскивай нас!

Звезд становилось все больше. Белые, желтые, голубые и красноватые, яркие и еле различимые, они зажигались, и пустота переставала быть пустотой, превращалась во Вселенную.

Вновь вспыхнуло облачко интеркома. Радостный Лейк закричал:

- Капитан, датчики заработали! Пока не все, но...

Алидор отмахнулся от него, замороженный волшебным зрелищем: на фоне звезд возникал, набирая плотность, бело-голубой шар планеты. Капитан вдруг засмеялся, оглянулся на Эвиту:

- Ты поняла? Это же Земля! Он прервал рейс и возвращает корабль! Скоро мы будем дома!

Эвите хотелось радоваться вместе с друзьями, но что-то в происходящем было неправильно. Возникающая перед ними картина была знакома и вместе с тем... слишком знакома.

Капитан разглядел растерянность на ее лице, оборвал смех. И тут же вновь вспыхнул экран интеркома. Лицо Дионы выглядело не просто застывшим. Его словно высекли из льда.

- Навигатор Орвус умер, - сообщила доктор.

Алидор медленно опустился в кресло. Звезды покрывали лишь малый сегмент сферы, вся прочая ее поверхность оставалась черной, пустой.

Трансгалактический рейс был для Эвиты первым. Она и предположить не могла, что он закончится так страшно! Разумеется, навигаторы смертны, как все люди. Но никогда никто из них не умирал во время рейса. Во всяком случае, Эвита о подобных происшествиях не слышала. Тело Орвуса сделалось таким тяжелым и громоздким, что стюард в одиночку не смогла извлечь его из иммерсионного резервуара, доктору пришлось помогать, придерживать за ноги. Капитан не вмешивался в процесс, наблюдал со стороны. Потом они транспортировали тело в спальный модуль, консервировали в соту. Потом Эвита спускала жидкость и чистила резервуар – уже в одиночестве. Процедура стандартная, знакомая. Только не во время рейса!

Со вскрытым резервуаром навигационная рубка выглядела непривычно пустынной, заброшенной. Эвита устроилась в своем рабочем ложементе, полистала пустые диаграммы биопараметрии, просмотрела безответные запросы бортовых интеллектов. И внезапно осознала – для нее работы на корабле больше нет. А вскоре выяснилось, что не она одна пришла к такому выводу.

Обычно на корабле соблюдается регламентированный этикет. Но в этот раз капитан им пренебрег – вошел в каюту Эвиты без предупреждения. Девушка ойкнула, попыталась заслонить самую личную, самую дорогую свою вещь – словно это было возможно! Впрочем, капитана не интересовало, чем она занимается вместо дежурства в навигационной рубке.

- Вахта стюарда отменяется, – объявил он. – Можешь отправляться на консервацию.

- Сейчас? – растерялась Эвита.

- Да. Тебя что-то задерживает?

- Я... – девушка зарделась от смущения. Но все же решила признаться. Отодвинулась в сторону, позволяя капитану рассмотреть мольберт. – Я хотела бы дописать картину.

Пока что это была даже не картина – эскиз, едва намеченный грифелем. Тонкая пунктирная линия эстакады, заканчивающаяся крошечной площадкой, и сидящий в кресле человек.

Алидор хмыкнул, разглядывая художество, пожал плечами:

- Ладно, рисуй. Только недолго!

- Недолго! – поспешила заверить Эвита. – Я за два дня закончу. Или за три...

На следующий день, когда вахта собралась в кают-компанию на завтрак, Эвита отметила, что место по правую руку от капитана пусто.

- А где Диона? – поинтересовалась она.

- Законсервирована.

Эвита удивилась было, но тут же нашла объяснение – больных на борту нет, значит, нет работы для доктора. Чем слоняться по кораблю, изнывая от безделья, лучше изъять лишние дни из жизни.

Капитан и Гайта завтракали молча, кибернетик то и дело жаловался на странное поведение борт-интеллектов. Но Лейк есть Лейк, вечно о чем-то болтает. Эвита слушала его вполуха. Пока кибернетик не заявил:

- Над Европой сегодня грозовой фронт проходит. Совсем как настоящий...

Гайта покосилась на него неодобрительно. Эвита тоже посмотрела на кибернетика. Затем перевела взгляд на капитана. И спросила:

- А почему мы не будим планетарных пилотов?

Все как по команде прекратили жевать. Эвита почувствовала на себе взгляды Лейка и Гайты. Капитан на нее не смотрел, просто сидел и молчал. Минуту, две. И начал жевать снова. Вслед за ним - остальные. На вопрос Эвиты никто не ответил.

Уже на выходе из кают-компании Лейк придержал ее за локоть.

- Хочешь знать, почему мы не летим к Земле? Потому что никакой Земли там нет!

Засмеялся и убежал, оставив девушку с разинутым от изумления ртом.

Работа над картиной шла туго. Сначала все получалось именно так, как Эвита запомнила: полупрозрачная эстакада, ведущая сквозь пустоту к голубой планете, и человек, сидящий посреди этой пустоты, с нетерпением вглядывающийся в свою родину. Но дальше...

Она любила играть с кисточками и красками, сколько себя помнила. И всегда это была просто игра, Эвита не осмеливалась сравнить себя с живописцами прошлых веков. Бескрайние степи, прорезанные зеленью урочищ, белоснежное кипенье весенних садов и багрянец осени - пейзажи ее детства. Извлечь их из памяти и перенести на полотно - так она коротала тягучие дни и недели вахты на полупустом корабле. Ничего предосудительного в ее развлечении не было. С одной стороны. С другой - это была бесполезная трата времени, которое можно использовать для повышения собственного профессионального уровня. Поэтому Эвита предпочитала рисовать украдкой, об увлечении новенького стюарда пока знали только товарищи по вахте. И навигатор.

Орвус узнал о живописи, когда Эвита взялась за непривычную для себя тему. Ей вдруг очень захотелось нарисовать Землю - всю, целиком! Казалось бы, нетрудная задача. Но Земля получилась какой-то ненастоящей, словно глобус. Эвита добавила на холст несколько созвездий - как помнила. Жалкая мазня, годная лишь на то, чтобы отправить ее в утилизатор!

Разумеется, она не призналась в своей неудачной попытке навигатору. Но разве от борт-интеллектов что-то можно скрыть? Те еще доносчики! Орвус не ругал ее и не хвалил притворно, просто сказал во время очередного медобследования:

- Ты неправильно изобразила расположение звезд относительно Земли. Таким оно не было никогда за все время существования Вселенной. И быть не может.

Эвита закусила губу, промолчала. Тогда Орвус спросил напрямик:

- Скучаешь по дому? Хочешь поскорее вернуться?

- А вы?

Навигатор молчал долго. Уже закончился сеанс биопараметрии, Эвита сверила показания с эталоном, убедилась, что подопечный здоров и работоспособен, когда он ответил:

- Мне нельзя пока думать о доме. - И поспешно добавил: - Все, мы входим в сингулярность.

Инженер и кибернетик уже спят, ложись и ты.

Эвита послушно устроилась в ложементе, активировала контур гипносна, закрыла глаза. Последнее, о чем она думала, засыпая, – уничтоженная картина.

Она вспомнила о ней спустя несколько часов после пробуждения, когда вслед за капитаном пробралась на мостик. И едва появилось свободное время, взялась писать ее заново. Она надеялась, что теперь-то знает, как оживить картину, как сделать плоское изображение трехмерным. Казалось – ответ вот он, перед глазами! Увы, только казалось.

Алидор пришел на третий день, как и договаривались.

– Закончила? – Он бесцеремонно поднял покрывало с мольберта. И не удержал удивленный возглас: – Ого! Это ты сама сделала? Однако память у тебя великолепная. Сколько минут ты была на мостике? И все запомнила.

Он наморщил лоб, рассматривая картину. Постучал костяшками пальцев по бело-голубому диску Земли.

– А здесь ты ошиблась, облачного пятна в Северном полушарии не было. Это тебя Лейк ввел в заблуждение, когда о грозовом фронте сказал, верно?

Эвита энергично закивала. Почему-то страшно было признаться, что грозовой фронт она добавила, пытаясь вдохнуть в картину жизнь. И сделала это не после рассказа кибернетика, а до – накануне вечером.

Капитан улыбнулся, довольный своей сметливостью. Скомандовал:

– Теперь – марш на консервацию.

– Нет, у меня еще не готово! – Эвита замотала головой.

– Как не готово? Вот Земля, вот звезды, капитанский мостик. Даже меня нарисовала! Чего не хватает? Все на месте.

Эвита не знала, как правильно объяснить. Все на месте... красивая, тщательно выписанная картина. Плоская.

– Пустота... У меня не получается ее изобразить. Она неправильная, плоская!

Капитан медленно повернул к ней голову. Посмотрел удивленно. Не сверху вниз, почти как на равную.

– Девочка, ты даже не представляешь, насколько она неправильная.

На ужин никто не явился. Эвита прождала полчаса. Потом ей в голову пришла мысль, что в отсутствие доктора об экипаже заботится вахтенный стюард. Пусть от вахты ее освободили, но пока не законсервировали, обязанности она должна выполнять. Она попробовала вызвать товарищей по интеркому. Не ответил никто. Тогда Эвита, вздохнув, отправилась на поиски.

Лейка она застала на рабочем месте. Кибернетик стоял у переборки, прижавшись к ней лбом и раскинув руки. Не стоял – как-то странно ерзал. Эвита выпучила глаза:

- Лейк, что ты делаешь?!

- Не мешай, я провожу эксперимент. Мне надо доказать борт-интеллектам, что это они сумасшедшие, а не я.

- Борт-интеллекты сумасшедшие? - Эвита вконец опешила.

- Да. Они утверждают, что корабль находится на границе трехмерности и двумерности. Что эта переборка - двумерная. Как скажешь, - я становлюсь двумерным? Хотя немножко?

- Нет... Лейк, пойдем лучше ужинать.

- Не мешай!

Капитана ни в каюте, ни на мостике не было. Эвита решила оставить его поиски на потом, но искать не пришлось - они столкнулись нос к носу у шлюза модуля силовых установок. Капитан странно пошатывался, и взгляд его явно не мог сфокусироваться.

- Вы не пришли на ужин, - напомнила Эвита.

- К Фридману ужин! Я уже получил необходимые калории... вместо надежды.

Он криво усмехнулся и посторонился, пропуская девушку в модуль.

Отсек инженерного контроля располагался в самой середине этого пузыря. Едва Эвита открыла дверь, как уловила странный, незнакомый запах. Гайта почему-то сидела на полу, голая по пояс и босая. Бритый татуированный череп ее блестел от капелек пота. Два длинных цилиндрических стакана из серебристого металла стояли перед ней.

- Садись, - командовала инженер, не дав визитерше рта раскрыть. Плеснула из одного стакана в другой прозрачную жидкость. - Выпьешь со мной.

- Что это? - Эвита осторожно присела на пол, скрестила под собой ноги. Рядом с миниатюрной Гайтой она сама себе казалась несуразно огромной.

- Этиловый спирт с дистиллированной водой в пропорции два к трем.

- Этиловый спирт - яд.

- Яд. Но не смертельный. Пей!

Эвита взяла стакан, поднесла к лицу - витающий в отсеке запах сразу усилился - пригубила. И поперхнулась. Гортань обожгло, дыхание сбилось.

- Я не могу... это пить...

- Можешь, можешь. Задержи дыхание и проглоти. Как я.

Инженер поднесла свой стакан ко рту, сделала быстрый глоток, шумно выдохнула. Испарина на ее черепе стала гуще.

Эвита послушно повторила алгоритм. Что-то жгучее прокатилось по пищеводу, заполнило желудок. И начало растекаться по телу, уже не обжигая, а согревая. В ушах тихонько

зазвенело.

- Молодец, - похвалила Гайта. И тут же поменяла тему разговора: - Капитан уговаривал тебя идти на консервы? Мне тоже предлагал, еле откупились спиртом. Вишь, нашел удобный для себя способ закончить все разом. Чуток добавит активности биорадикалам наполнителя, и команда расплавится в протоплазму, словно и не было. А я так не хочу!

- В протоплазму? Но это же... убийство?

- В нашем случае это эвтаназия, - засмеялась Гайта. - Избавление от страданий.

Алкоголь добрался до мозга, поэтому Эвита никак не могла уловить, в чем соль шуток. На всякий случай тоже засмеялась.

- А что капитан скажет, когда мы вернемся на Землю? Если вместо команды в сотах окажется протоплазма?

- На Землю? Вернемся? Без навигатора? - Инженер засмеялась пуще прежнего. - Ну у тебя и юмор! Не знала, что стюарды умеют так шутить!

- Почему шутить? - Эвита потеряла смысл разговора, но было все равно весело. - Борт-интеллекты рассчитают координаты, запустим двигатели...

Гайта, не в силах усидеть, упала на пол, корчась от смеха.

- Двигатели! Координаты! Ты просто чудо, девочка!

Ей понадобилось не меньше минуты, чтобы справиться с приступом заразительного, но непонятного Эвите веселья. Наконец Гайта снова села, восстановила дыхание. И, хитро прищурившись, спросила:

- Как по-твоему, чем занимается навигатор, пока вахта спит? И почему на корабле всегда только один навигатор? Почему в команде четыре сменные вахты и даже у капитана есть помощники, а навигатор - единственный и незаменимый?

Эвита растерялась от серьезности вопросов. Разумеется, ответы на них она знала. Но аргументы, такие неоспоримые прежде, под действием алкоголя вдруг сделались зыбкими, малоубедительными. Все же она ответила, ощущая себя ученицей колледжа:

- Навигатор определяет новое местоположение корабля во Вселенной и проводит его туда сквозь сингулярность. Такой талант - большая редкость. Потому навигаторов едва-едва хватает, чтобы укомплектовать команды межзвездных кораблей.

Инженер криво усмехнулась.

- Да, редкость... Но разве из-за этого рисковали бы безопасностью? Причина в другом. Навигатор ничего никуда не «проводит». Открою тебе «страшную тайну» - никакой Вселенной вообще не существует! Вернее, она существует исключительно в воображении Демиурга, Бога, Абсолютного Разума - называй как хочешь, непринципиально. И мы тоже - в его воображении. И чтобы мы оказались в другом месте этой воображаемой Вселенной, Абсолют должен нас там вообразить, улавливаешь суть? Спросишь - разве возможно заставить его это сделать? Ответ - да, навигаторы могут. Они - мостик между нашей придуманной трехмерностью и безмерной реальностью абсолютного воображения. Они вписывают информационный дамп в нужное

место, «придумывают» нас там. В этом и состоит их талант. И если на корабле окажется два навигатора, они могут нечаянно вписать корабль в два разных места Вселенной.

Алкоголь сделал свое дело – голова Эвиты начинала кружиться. А может быть, она кружилась от услышанного?

- И что тогда будет? Если корабль сместится в два места сразу...

- Неизвестно. В экипажах первых экспериментальных Т-кораблей было по два навигатора. Ни один из тех кораблей из экспедиции не вернулся.

Эвита сглотнула вдруг подступивший к горлу комок тошноты.

- Откуда ты все это знаешь? Ты же не навигатор!

- Мой отец навигатор. Не делай круглые глаза – они такие же люди, как мы. Во всяком случае, рождаются обычными людьми и у них тоже бывают дети. Когда Коллегиум Клана Навигаторов доверил отцу корабль, он взял меня к себе в экипаж. Мы часто говорили с ним во время вахты... пока он был жив.

Эвита вдруг догадалась:

- Навигатор Орвус – твой отец?! Я не знала...

- Тебе не обязательно знать, ты всего лишь стюард. Отец пытался мне объяснить, как это – быть навигатором. Он надеялся, что я унаследовала его гены и большой талант проклянется во мне. Но мой талант оказался заурядным, маленьким. Я так и осталась в Клане Инженеров. – Гайта опустила голову, вперила взгляд в стакан. И добавила дрогнувшим голосом: – Даже сейчас я ничего не смогла...

Непонятно почему Эвите сделалось обидно и захотелось плакать. На глаза навернулись слезы.

- А у меня никакого таланта вообще нет и не было... Поэтому я всего лишь стюард!

Гайта удивленно посмотрела на нее. Протянула руку, погладила по голове, словно маленькую:

- Ты чего разревелась? Подумаешь, стюард! Любая профессия почетна. Зато ты пишешь картины, а я вот не умею.

- При чем тут картины? Рисование – это так, баловство, развлечение!

- В древности именно это называли талантом. А то, чем занимаемся мы, было обычным ремеслом... Все, хватит болтать. Еще выпьешь? У меня осталось чуток.

Эвита отрицательно замотала головой.

- Как хочешь.

Гайта проглотила остатки спирта, выдохнула. Поднялась на ноги. Ее заметно качнуло, но она удержалась, пошла к двери.

- Надень что-нибудь! – спохватилась Эвита. – Неэтично ходить по кораблю в таком виде!

- Поцелуй в зад Шредингера! – беззлобно посоветовала Гайта и вывалилась в коридор.

Эвита поспешила следом. Голова продолжала кружиться, потому она никак не могла сообразить, куда они направляются. Только когда инженер взялась за рукоятки запора на люке, сообразила – это же внешний шлюз!

- Стой, там вакуум!

Гайта будто не слышала. Открыла люк, шагнула в шлюз. Помахала рукой напоследок:

- Советую соглашаться на протоплазму. В нашем случае это лучший вариант.

Шаровой механизм провернулся, вспыхнула алая надпись: «Внимание! Шлюз разгерметизирован!» Погасла. Затем шлюз вновь повернулся, возвращая люк на прежнее место. И Эвита осознала – Гайты больше нет.

Она попятилась, словно шлюз мог открыться сам собой, засосать ее и вышвырнуть в космос. Повернулась... и едва не упала: в конце коридора стоял капитан, наблюдал за происходящим.

- Вы... вы... почему вы ей позволили? Почему не приказали остановиться?!

- Смысл? – Капитан пожал плечами. – Кстати, у тебя времени – до утра, чтобы закончить свои игрушки.

Разбудил Эвиту шум в коридоре. Нехороший шум. Она поспешно натянула комбинезон, выглянула из каюты.

Кибернетик пытался ходить по стенам. Он подпрыгивал, размахивая руками, срывался, падал на пол, вскакивал, снова прыгал. И вопил:

- Она двумерная! Двумерная! Двумерная, Эйнштейн вас всех забирай!

- Лейк, ты что творишь?

- Она двумерная! Эти проклятые интеллекты говорят – здесь все двумерное! Корабль двумерный! Тогда чем стена отличается от пола? А?!

Дальше по коридору открылась еще одна дверь – капитанской каюты. Алидор вышел, направился к источнику шума.

- Успокойся, пожалуйста! – единственное, что нашлась сказать кибернетику Эвита.

Капитан и вовсе не стал с ним разговаривать. Подошел и ударил кулаком в затылок, коротко и резко. Лейк врезался лицом в переборку, сполз на пол, опрокинулся навзничь, заливая комбинезон хлынувшей из носу кровью. Алидору этого показалось мало. Он наклонился над кибернетиком, опять занес кулак.

- Стойте! – бросилась на него Эвита. – Вы что, хотите его убить?!

- Было бы неплохо. Видишь, он сошел с ума.

- Это вы сошли с ума! – Она была сильнее капитана, потому смогла оттолкнуть его. – Хватит смертей! Я позабочусь о Лейке, отнесу его в соту!

- Отнеси, – легко согласился Алидор. – И себя законсервируй заодно. Хватит тянуть время.

Эвита вспомнила вчерашний разговор в модуле силовых установок. Он более не казался ей шуткой.

- Вы... Гайта говорила, вы хотите избавиться от экипажа? Расплавить в протоплазму! Вы в самом деле сумасшедший!

- Умная была у нас инженер, недаром дочь навигатора, - капитан иронично скривил губы. - Только это не помогло - ни ей, ни нам. А ты - глупая! Не захотела легкой смерти в неведении, оставайся на корабле и подыхай долго и мучительно.

- Почему?! Почему мы должны умирать? Не понимаю! Мы же почти вернулись!

- Почти - не считается. Навигатор не успел вписать нашу информационную матрицу в реальность. Мы не вошли в трехмерную локаль Солнечной системы, мы лишь сунули в нее самый кончик носа. - Он вдруг схватил ее за руку, потянул к шлюзу: - Идем, я покажу!

- Нет! - Эвита уперлась ногами в пол. - Нельзя без скафандров, там вакуум! Я не позволю вам убить ни меня, ни себя!

- Хорошо, хорошо! - Капитан поднял руки, показывая, что сдается. - Наденем скафандры, если тебя это успокоит.

Открытый космос был в точности таким, каким Эвита увидела его на капитанском мостике: голубой шарик Земли, разноцветные огоньки звезд и - бесконечность. Только здесь отсутствовала тонкая скорлупа корабля, отделяющая ее от этой бесконечности. Девушка судорожно вцепилась в плечо капитана, чтобы не сорваться и не упасть туда.

- В другую сторону смотри! - Алидор бесцеремонно развернул ее затылком к Земле и звездам.

По другую сторону тоже была бесконечность. Но - иная. словно огромное полотно, натянутое на невидимый мольберт. И в центре полотна - рисунок. Корабль, обвитая кружевами гроздь радужных пузырей. Рядом с одним кто-то пририсовал смешного человечка. Человечек сучил руками и ногами, но сдвинуться с места не мог.

- Это же Гайта! - догадалась Эвита. - Смотрите, она жива! Надо ей помочь, вытащить оттуда!

Капитан засмеялся, только в смехе этом не было ни веселья, ни злорадства.

- Какая же ты глупая, стюард! Ты ничего не поняла? С точки зрения нашей недоделанной трехмерности Гайты не существует, есть лишь ее проекция на границу локали. И точно так же не существуем мы. Мы можем сидеть здесь хоть сотни, хоть тысячи лет - да хоть миллионы! - это не приблизит нас к дому. И никто не придет к нам на помощь. Потому что нас больше нет во Вселенной. Нигде и никогда! Навигатор вымарал нас в исходной точке, но вписать в точку назначения не смог. Я не знаю, что ему помешало. Наверняка он пытался, застряв на годы, а то и на десятки лет в точке сингулярности. Но человеческие ресурсы не безграничны. Орвус сумел сделать лишь... как это у вас, живописцев, называется? набросок? Эскиз? Для Вселенной этого слишком мало. Нас нет, для человечества мы уже умерли. Я всего лишь хочу избавиться моих людей от ненужных страданий. А ты оставайся, «живи» здесь. Интересно, как скоро ты перестанешь считать меня сумасшедшим маньяком?

Он замолчал, перевел дыхание. Пытливо заглянул в глаза Эвиты.

- Ты хоть что-нибудь поняла, дурочка?

Эвита посмотрела на корабль, на плоскую двумерную Гайту. Снова перевела взгляд на капитана. Кивнула.

- Да, я поняла, - и шмыгнула в шлюз.

Не снимая скафандр, она побежала к себе в каюту, схватила палитру, кисти, рванула обратно. Выбравшийся из люка капитан едва успел посторониться, чтобы упакованный в скафандр медвежонок-стюард его не опрокинула, что-то крикнул вслед. Она не расслышала.

Через пятнадцать минут Эвита вернулась на корабль. Миниатюрную, почти невесомую инженера она несла на руках. Гайта то и дело кашляла, тяжело дышала, но была живой, здоровой и абсолютно трезвой.

Поджидавший в коридоре Алидор ошеломленно уставился на них.

- Как?! Как ты это сделала?

- Я дорисовала Гайте перспективу, чтобы появилось третье измерение и она смогла двигаться. Это не трудно, не то что...

Она охнула, замерла на секунду с открытым ртом. Потом быстро поставила инженера на пол и, сдирая на ходу скафандр, бросилась к себе. Закричала:

- Я поняла! Я теперь знаю, как рисовать пустоту!

Она не успела положить на холст первый мазок, когда в каюту ворвался капитан.

- Стой, не делай этого! Лучше нарисуй там звезды. Нарисуй мне Вселенную, навигатор!

Эвита едва не выронила кисточку.

- Но я не... я всего лишь стюард...

Когда-то Земля была плоской и маленькой и покоилась на спинах слонов. Она не могла быть иной - именно такой ее представляли люди. Затем Земля начала увеличиваться в размерах, стала круглой, принялась вращаться вокруг светила, обзавелась братьями и сестрами по планетарной системе. Трехмерная реальность менялась, повинувшись воле эгрегора человечества. Реальность разрасталась - до орбиты Сатурна, до пояса Койпера, до облака Оорта... А дальше ее встретила пустота. Несоизмеримые с человеческой средой обитания, а потому непреодолимые расстояния.

Человечество уперлось в стену. Веками земная наука, построенная на логике, пыталась ее пробить, понять непознаваемое, объяснить необъяснимое, найти несуществующее. Теория относительности, квантовая гравитация, струны и мембраны - с каждым веком человечество усложняло картину мира. Тем самым укрепляло скорлупу собственной трехмерности.

Но наравне с логикой люди обладали воображением. И когда логика завела человеческое познание в тупик, воображение подсказало выход: Вселенная - вовсе не объект материального мира, Вселенная - идея. И птенец проклюнулся. Человечество вырвалось из крошечной трехмерной колыбели - в бесконечность, не ограниченную никакими законами и теориями. Из порождения Абсолютного Разума оно превратилось в его часть. Человечество стало Сотворцом.

Эвита парила в иммерсионном резервуаре. Пощипывали впившиеся в кожу разъемы интерфейсных кабелей, чуть подташнивало от невесомости, во рту стоял металлический привкус. Ерунда, к этому она быстро привыкнет. Куда труднее смириться с мыслью, что ты стала причиной гибели человека, о жизни и здоровье которого должна была заботиться. Но случившееся не исправишь, искупить невольную вину можно только одним. Бортовые интеллекты толпятся у порога ее сознания, услужливо напоминают о себе запросами, ждут команд. Теперь они ее инструменты, ее грифели, кисти и краски. Мольберт – ее собственное воображение, а полотно – трехмерная реальность Солнечной системы. Навигатор дорисует картину.

Сгусток вещества и энергии, в силу многовековой традиции называемый космическим кораблем, возвращался домой.

Наталья Духина

Ванька-встанька

Вот зачем ему позвонили? Властный незнакомый голос предупредил об обязательной явке. Надежда, едва тлевшая, вспыхнула ярким пламенем – почему бы и нет, он достоин! Но трепать языком не стоит, ни к чему нервировать беременную жену сумасшедшими предположениями, будет вести себя как обычно. Но временами захлестывало... до обмирания.

Мария бросала на мужа сочувственные взгляды – волнуется Петя, переживает. Излишнюю его возбужденность списывала на грядущее мероприятие: выпускникам физического факультета сегодня вручают дипломы, ожидается торжественное собрание с поздравлениями и подарками. Ее Петя – физико-математический гений, мировую олимпиаду среди студентов два года подряд выигрывал; первым номером закрывает сразу три кафедры! Ясно, что наградят, вопрос – чем? Бывали случаи, особо отличившимся прямо на собрании вручали та-акое предложение по работе... сразу со служебной квартирой! – Мария зажмурилась в предвкушении. Свое жилье – предел мечтаний. Говорят, когда-то в прошлом народ побогаче жил, у каждого чуть не дом свой... Малыш пихнул ножкой – привел маму в чувство.

Гений лениво жевал бутерброд, уставившись в потолок.

– Одеваться пора, – вздохнула она. Тревожно... может, срок подходит? Да ну, рано, две недели еще носить, вчера только врач смотрел.

– Давай. Я уже.

– Не-е, в таком виде я с тобой не пойду. У меня платье нарядное, а ты... Костюм и галстук! – вернула его на землю, хватит в облаках витать.

– Но, Маш...

– Костюм и галстук, сказала!

То, чего Петр отчаянно ждал, – свершилось.

В конце собрания на сцену вышел представительный, одетый с иголочки мужчина и торжественно объявил: Большое Жюри, рассмотрев очередной пул кандидатов, остановило свой выбор на Петрове Петре Ивановиче. Ему предлагают Шар!

Новость произвела фурор, зал забурлил. Чтобы новоиспеченному специалисту - и сразу Шар! - случай из ряда вон.

- Беру! - крикнул Петр и пошагал на сцену. Бумагу подписал, не читая.

Владеть Шаром - означало получить в собственное распоряжение лабораторию, оборудованную по последнему слову техники, и карт-бланш на исследования с неограниченным кредитом в Банке. В основном, за место под солнцем боролись организации; одиночек, владевших Шарами, в мире насчитывалось не более сотни. Выстроить с нуля собственную мини-Вселенную - процесс ювелирный, в придачу к знаниям не мешает иметь в союзниках и удачу, иначе кончится Шар, а вместе с ним и преференции. У него получится... должно получиться!

До идеи он додумался еще студентом: будешь думать, когда в обществе нездоровый ажиотаж на этой почве. Чуть недотянешь лямбду, космологическую постоянную в уравнении Эйнштейна, - система сдуется и самоуничтожится, перетянешь - процесс пойдет в сторону бесконечного роста, что опять же приведет к краху жизни. Как найти золотую середину? А если организовать обратную связь, чтобы система сама себя контролировала? Лямбда, по идее, описывает свойства темной энергии - кому как не ее носителю и разбираться в своем царстве... вот она, идея. Наделить темную материю способностью к анализу и свершению действий. Фактически, то ведь Разум... Никому не сказал студент об идее - как знал про Ваньку.

События развивались стремительно. Уже на следующий день семью с нехитрым скарбом переместили в дом-лабораторию на территории наукограда, отделенного от остального мира стеной под высоким напряжением и свирепыми охранниками на входе. Тем же вечером, сигналив на всю округу, подъехал грозный броневик, и военные, чеканя шаг, внесли в дом Шар. Тут же и активировали. Проверили - нормально включился? И ушли, оставив потрясенных хозяев наедине с достоянием.

У них свой дом! И Шар! Мария настолько разволновалась от невероятных событий, что этой же ночью родила, не дотянув до положенного срока.

Дочку назвали Яной. А Шар - Иваном. С именем угадали: малыш демонстрировал удивительную способность оставаться невредимым после падений, словно Ванька-встанька.

Колыбель дочери поставили рядом с люлькой Шара, не метаться же из комнаты в комнату от одной к другому. Да и дети вели себя лучше, когда бок о бок: Янка прекращала плакать, замороженно взирая на игру бликов и вслушиваясь в бульканье, а Шар меньше тупил и легче переносил насильственные процедуры, которым его то и дело подвергал хозяин. Хозяин? Скорее, отец. Как-то само собой получилось, что Иван стал членом семьи.

Наполнением Шара Петров занимался единолично, создание Вселенной - дело интимное. Основным постулатом ввел заботу о материи и жизни, в качестве нулевого приближения - все те знания, которыми овладело человечество.

Каждый второй обладатель Шара, не мудрствуя, списывал с окружающей реальности законы, выложенные в общий доступ, бери и качай - хоть в общем виде, хоть в упрощенном. Ноу-хау Петрова крылось в поправках: ни одну из них он не определил константой. Поправки могли меняться. Более того, меняться могли и сами уравнения, и их количество... весь набор. Нулевое приближение - оно лишь начало. Вход. А дальше... дальше будет учить Шар думать, прежде всего - как не наломать дров.

Работать Петр предпочитал в одиночестве. Не нужны ему в доме посторонние. Пусть там, в организациях, работают сообща и толпой, а он желает сам. По крайней мере – на начальном этапе. Одного лишь сотрудника и оформил на максимальную ставку – свою жену, когда она защитила, наконец, диплом спустя два года после него.

- Ты знаешь, а они общаются между собой. Ругаются, мирятся. И вообще, какой он Шар! Он – ребенок! Подрались сегодня... – пожаловалась как-то жена, приобняв мужа.

- Подрались? – напрягся муж, сонливость как рукой сняло. – И кто победил?

- А никто. Поплакали – помирились.

- Да мерещится тебе, – буркнул он и повернулся на другой бок. – Сказочница!

Но нет, не спалось. Общаются... скажет тоже! Петров поднялся и пошлепал в детскую.

В лунном свете, сочившемся сквозь окно, разглядел: дети лежали в обнимку и дружно сопели. Чтоб Янке легче обнимать, Иван обратился объемной «восьмеркой», ее рука как раз обхватывала его посередине. А отцу – для воссоздания той же «восьмерки» – приходилось инициировать блок команд, неделя как минимум! Фантастика!

У Петра кольнуло сердце. Не допускает ли он ошибку, связав их жизни? Разве можно настолько переплестать? Вопрос стал перед ним всей своей неприятной сущностью. Неприятной – потому что ответ заранее известен: нельзя. Нельзя! Но оно уже завязалось. И что дальше? Резать – по живому?

Попробует разводить постепенно. Что дети в два года понимать могут... поплачут и успокоятся.

- Зря ты их по разным этажам! – бросила мужу недовольная Мария.

Последствия ему тоже не нравились. Яна болеть начала. Ваня в хандру впал, тормозил на простейших задачах. И с каждым днем обоим все хуже и хуже...

- Перетерпим! – надулся Петр. И по делам уехал.

А вернувшись вечером, застал домочадцев всех вместе дружной компанией.

- Ну не могу я... не разорваться! Она тут орет, он там... Зачем? Глупо! Я и... Понимаешь, Петь, ей сразу лучше! температура упала! Нет, ты не морщись, ты лоб потрогай! потрогай, сказала!

Чего трогать, и без того видно... сияния глаз не скроешь. Детишки сидели рядом и тарачились на него. Понимали – решалась их судьба, как папа решит, так и будет.

- То есть... ты считаешь... Как мать. Подумай, прежде чем ответить. Им вдвоем – лучше?

- Да, лучше, – не сомневалась она ни секунды.

- Ох, Мария... Ну не знаю я. Не знаю!

Дети, почуяв слабину, взяли папу в оборот – повисли с двух сторон. Ладные такие оба, послушные... И Петр не устоял. Лишь рукой махнул – делайте что хотите. Пусть, чего уж теперь...

В семь лет Ивана забрали на первое испытание – турнир новичков. Уж как Петров ни отбивался, мол, пусть подрастет... Куратор вежливо объяснил: раз в семь лет сыграть на турнире – святая обязанность, нарушать не дозволено никому. Хорошо хоть, по новичкам записали, а то могли и в реальную мясорубку Большого Турнира, академии отправляли подопечных туда чуть не с пеленок. На обкатку. Но Петров знал: не готов Ваня. Нет, структура и сила в норме, но... Существовал еще некий фактор: духовно-эмоциональное развитие. Означенное развитие шло у Шара вровень с Янкиным, ни на йоту быстрее. При том что обычную информацию заглатывал терабайтами! Столь резкий диссонанс удивлял Петрова. Но оттого факт не переставал быть фактом. А что он хотел, разум вправе быть своевольным...

Опасался за Ваньку, а головную боль получил от Янки. Захандрила, оставшись одна, неприкаянно бродила по дому, успеваемость в школе резко снизилась. Отец поставил условие: будешь плохо учиться – не буду брать с собой в зрительный зал. Оценки сразу улучшились, но настроение – нет.

Ваня пришел к финишу десятым. Петр, привыкший к победам, утешал себя: десятый из сотни малышей – неплохой результат. Но в глубине души знал – плохой. Потому что не участвовали продвинутые малыши – те самые, которых сразу в Большой Турнир.

Пришло время делать выводы. Пора подключать специалистов, одному тянуть дальше глупо. И пора рвать сентиментальные узы, разом и наотмашь.

По окончании турнира отвез Шар на новое место жительства – в лабораторию. Познакомил с сотрудниками. Отводя глаза, объявил, что жить Ваня теперь будет здесь.

И началось «веселье»: Ванька-встанька забастовал – отказался принимать в себя информацию. Любую. Выплевывал не глядя. И Янка замкнулась, объявила бойкот, на уроках в школе изображала мумию. Потом слегла с нервным срывом, не выдержав напряжения. Это в семь-то лет!

Жена причитала, хваталась за голову – кто прав, кому верить? В конце концов, приняла сторону детей.

И Петров сдался. Проиграл, чего уж, раз Мария тоже против.

Предложил компромисс: он возвращает Шар в семью, но Иван начнет ходить «в школу»: с утра его будут перемещать в лабораторию, вечером возвращать. Условие одно: дети перестают действовать ему на нервы, живут нормально, хорошо учатся.

Родные приняли компромисс на «ура».

И – возродилась фениксом Яна; Иван помчал громадными шагами, догнал и перегнал программу, целый штат научных сотрудников не успевал за ним угнаться.

И что после такого думать? Петров и не думал. Просто работал, хватит с него раздумий, что заложено – то и выросло. Назад не воротишь.

Не прошло четырех лет, как Ивана снова вызвали на игру.

Петров возмутился было – как так, почему, семь лет ведь обещали не трогать! Тщетно. Всеобщая мобилизация. В Большой Турнир забрали всех подчистую. Очередная изюминка организаторов? – недоумевал Петр. Каждый год устраивали турниры, и всегда, юмористы чего-

нибудь эдакое придумывали, неожиданное... чтобы не расслаблялись создатели, не по шаблону творили. Может, к лучшему? Отыграют – поедут отдыхать, сколько можно работать без продоху! Мир посмотрят. Ваньку с собой возьмут. Мальчик уже не был беспомощным шариком, мог не только за себя постоять, а и защитить родных. Но афишировать внешние умения не стоит: организаторов интересует исключительно внутреннее содержание.

За перипетиями первого тура Петров следил внимательно. Интересовался не только своей группой, но и соседними. Нагляделся... Понастроили экзотических Вселенных, клоуны! Кореец, к примеру, убрал гравитацию как класс – так его Шар первым и гикнулся. Норвежец, наоборот, ввел усложненную тензорную гравитацию – сие многомерное чудо тоже продержалось недолго. «Дилетанты надутые, возомнили себя умней природы!» – с чувством удовлетворения наблюдал за провалом чудиков.

Первый тур Иван отыграл достойно: вышел из группы в Финал. Всего отобралось триста Шаров – и это по всей Солнечной системе. Иван по набранным очкам занимал место в середине – вполне приличный для новичка результат. Петров довольно потирал руки – финалистов в любом случае поощрят щедрыми бонусами, не зря трудились! Маячивший на горизонте отпуск обрел четкие очертания.

Но до признанных гуру оставалось как до Луны. Первая десятка превосходила Ваньку настолько, насколько финалисты чемпионата мира по футболу – какой-нибудь заштатный сельский клуб. Катаклизмы Иван преодолевал ощутимо дольше. Ну так молодой еще, неопытный... зато с выдумкой пацан работал, что ни решение – нестандартный подход.

И тут организаторы объявили: Финал будет закрытым, без зрителей и комментариев. Как долго? – сколько потребуется, столько и долго.

Это уже не изюминка, а бзик! – единодушно решили хозяева Шаров. Но поделаться ничего не смогли.

Месяц – целый месяц! – пытали финалистов за закрытыми дверями. Без единого бита информации о ходе турнира. На Шары – особенно лидеров – завязано столько народу! Благополучие миллионов напрямую зависело от занятого Шаром места, а с учетом всех ниточек – так и миллиардов. А организаторы молчали! Мир с ума сходил, гадая... поневоле в головах начнет зреть возмущение. Янка написала письмо президенту с просьбой выпустить Ваню – нуль эффекта.

Зачем они вообще нужны, Шары? Сто лет назад вдруг пошло поветрие, человечество будто помешалось на новой игрушке. Раньше без них жили – и нормально, думать не думали о каких-то мини-Вселенных. А потом объявились злобные инопланетяне... в глаза их никто не видел, но ученые утверждали – враг близко. Человечеству необходимо поумнеть! Шары совершенствуют мозги подобно тому, как спорт – тела! Народ, однако, воспринимал Шары скорее за бойцовых петухов, чем ускорителей мозга, ставки в тотализаторе зашкаливали. На инопланетян списали и всеобщее обнищание – необходимо копить резервы к будущим битвам.

...Наконец создателей пригласили во Дворец для оглашения итогов.

Мысли Петрова беспорядочно металась, перескакивая с одного на другое. Сидел, развалившись в кресле, старательно делал вид, что спокоен. Спокоен! Созерцал окружающую обстановку в стиле ампир, дивился на громадных размеров старинную люстру и тяжелый бархатный занавес. Коллеги неестественно громко переговаривались, лучась притворными улыбками. Разлитое в воздухе напряжение, казалось, того и гляди выжжет здесь все напалмом.

Колыхнулась портьера, на сцену выплыл председатель Большого Жюри, кряжистый, уверенный в себе мужчина. Бодро поздравил присутствующих и, опустив глаза, замялся. Хотел было продолжить, но закашлялся, подавившись словами. По залу прокатился вздох – плохая примета!

Оратор взял себя в руки, сосредоточился и с расстановкой произнес:

- Чемпионом... впервые... становится... Шар Петрова! Новичок обошел всех! – Голос председателя взвился сочным крещендо и кинжальным ударом пронизал мозги болельщиков, с нетерпением ожидавших вердикта во всех уголках Солнечной системы.

Петров, потрясенный, откинулся на спинку кресла, помотал головой и подергал себя за волосы. Не ожидал, никак не ожидал... занимать перед финалом место во второй сотне... сотне! – и победить? Невозможно! А где же корифеи... первая десятка – где?

Зал недоумевал вместе с ним, провожая пробиравшегося с задних рядов к сцене ученого недовольным перешептыванием. Неизвестный выскочка сорвал главный куш! Неслыханно!

- Благодарю Высокое Жюри за оказанное доверие, победу посвящаю жене и дочери, главным помощникам, – всего-то и выдавил в микрофон победитель.

Мертвая тишина была ему ответом.

Ах, так! Не нравится? Петров усмехнулся, прищурился и, расправив плечи, гордо прошествовал за кулисы.

Его долговязая фигура смотрится мелко на внушительных размеров сцене, подумалось почему-то. Столь же мелким – несерьезным, ошибочным! – представлялось решение Жюри.

Слов председателя – что на этом все, награжденных больше не будет – Петров не услышал. Последовавший свист и улюлюканье принял на свой счет и, окончательно разобидевшись, покинул Дворец. Направился в Центр, где и проходило, собственно, соревнование. В мозгу будто дрель бесилась, высверливая разум, еще немного – и черепушка расколется. Достаточно! Прочь эмоции!

Непривычная тишина в вечно гудящем Центре насторожила, но не испугала. Охранники на всех подряд постах вытягивались и почтительно расступались, пропуская.

А вот и «пыточная» – так окрестили участники терминал, где проходил Финал.

Бронированные двери распахнулись, он вошел и... окаменел.

На полу вповалку валялись расплавленные ошметки, причудливо изогнутая арматура, вывернутые наизнанку оболочки. Останки Вселенных, словно хлам на чердаке.

И лишь в центре на постаменте высился Шар, сохранивший форму. Ваня?

Накатила слабость. Бледный, на подгибающихся ногах Петров поковылял вперед. Скрежещущий хруст под ногами рвал сердце. И не важно, что Шары, по большому счету, были игрушками – полное ощущение, что шел по трупам.

Да, это он – сын. Вгляделся.

Внезапно уловил слабую пульсацию. Жив? Бог мой, жив! Коснулся оболочки. Шар отозвался, мигнув оранжевым всполохом. Узнал! – апельсиновый оттенок выдавался персонально ему, создателю.

- Что они с тобой... кретины... Выстоял, а! – чуткие пальцы, оглаживая, ощупывали выходные клапаны.

Ранение средней тяжести, выражаясь фигурально.

Его пацанчик победил... Нет, не так. Его пацанчик выжил, потому и победил. Ванька-встанька опять поднялся.

Но зачем победа такой страшной ценой?

Что за монстра выпустили садисты-юмористы? Батя узнает, изучив записи в стеке. Позже. Заболела голова от переживаний, слишком сильные эмоции обрушились на него сегодня, иссушили и обескровили организм.

- Давай спать! Отдыхай! – он нажал «Clear».

Шар померцал, прощаясь, и уменьшился до размеров детского шарика с одновременным наращиванием защитного слоя. Петров уложил победителя в специальный подсумок. Сопровождаемый эскортом полицейских, протиснулся сквозь осаждавшую двери толпу разъяренных создателей. Не пускали бедолаг в Центр. Вот так. Десятки лет люди работали – и плоды их усилий в момент изничтожили, подло и больно. И проводить-похоронить не дают. Будто и не было никаких плодов. Что происходит? Он прижал к себе Ваньку.

- Папка пришел!

Янка бросилась к отцу и повисла, обхватив за шею. Тонкая, улыбчивая, с шелковистыми волосами цвета соломы, заправленными в вечный хвостик... любимица его ненаглядная. Набнимавшись, она отстранилась и вопросительно глянула на отца. Петров понимающе хмыкнул, отстегнул подсумок и вручил дочери. Девчонка схватила сокровище и унеслась к себе в комнату, оживленная, легконогая.

Трясущимися руками вынула Шар, прижала к груди. Пультom она не пользовалась, Ваня не любил насилия, откликнется, когда посчитает нужным.

- Не плачь, солнышко! – расслышала в музыке урчание.

Янка смахнула слезу и улыбнулась.

- Я скучала... сильно больно?

Отец, поглядывая на монитор, качал головой. Он, создавший с нуля творение, ощущавший печенкой подопечного до последнего метеорита, не улавливал в издаваемых Шаром звуках какой-либо речи. Стек – считывал, да, оттуда и узнавал... а дочь обходилась безо всяких стеков. Как у нее получалось – оставалось загадкой. Раньше думал, она лишь воображает ответные реплики, девочка чувствительная и эмоциональная. Но теперь... почему бы и нет!?

- Врешь ты все! Не опасно, как же... Ты один... один! остальные... Ванька, тебя могли уби-ть!

Она разрыдалась – безутешно, громко. Отец наблюдал, силой воли заставляя себя оставаться

на месте. Без него есть кому утешить!

Дочь теребила ландыши. Видимо, поздравить хотела, но забыла, сорвавшись в истерику. Опять в лес гулять ходила одна, негодница!

- Букет кому? - хлюпнула. - Тебе, кому еще...

Р-раз - и не стало цветов, пропали! Петров увеличил изображение, глянул с разных ракурсов - нету! Ни каналы не задействовала, ни коды специальные - напрямую! Дела... Создаешь, растишь, воспитываешь, а они потом в самостоятельное плавание уходят, а ты остаешься на берегу...

Наутро за ним приехали. Петров понял - вот оно, началось! То самое, ради чего и затеяли. И вправду - пора.

Растрепанный и зевающий, сел в аэрокар, подсумок с Шаром под мышкой. С ветерком, по выделенному правительственному каналу в несколько минут был доставлен до места. Сон улетучился, когда понял, где оказался: перед ним высился ЦОЦ - Центр Охраны Цивилизаций, одно из самых влиятельных и засекреченных мест на Земле.

В уютном небольшом кабинете, куда его почтительно сопроводили, сидели, понурившись, двое. Старушку Милли узнал сразу, галантно приложился к ручке. Несмотря на почтенные годы, выглядела она, как всегда, потрясающе: женщиной без возраста, мечтой поэта. Преподавала биологию у него на втором курсе, много мучений тогда вынесла от дотошного студента.

В неряшливом помятом типе с отечными воспаленными глазами с трудом признал Серегу Шилова, гения математики, заимевшего свой Шар аж в двадцать лет, что являлось абсолютным рекордом. Еще вчера видел его во Дворце надушенным, краснощеким и сияющим, облаченным в яркие семафорящие одежды - коллега слыл экстравагантным щеголем. Неужели и его Шар уделали? Не может быть! Совершеннейшее же творение, абсолютно гармоничное! Петр не раз брал консультации у хозяина, пытаясь постичь и перенести идеи на Ваньку, но до оригинала не дотягивал.

- Случилось чего? - хлопнул Серегу по плечу вместо приветствия. Тот не отреагировал.

- Молчит! сидит, невменяемый! - пожаловалась Милли.

- Откуда столько позитива... Твой - что, жив? - прохрипел гений математики, подняв глаза на энергичного Петрова.

- Ранен.

- А мой в цинковом гробу! - протянул бесцветно, уставившись в пол. И вдруг, уронив голову на руки, затрясся в рыданиях, как дитя малое. Прорвало.

Милли растерянно суетилась возле, жалобно причитая.

Петров грузно опустился на стул и обхватил руками голову. Таковую красоту угробили, сатрапы, слов нет... Теплилась надежда, что не всех растерзали в том терминале, ан нет...

Не заметил, как в кабинете появился седой невзрачный старик, дунь - рассыплется. Облик его неуловимо походил на... Бог мой, почему походил? Неужели - Горов? Засекреченный, ужасный

и великий?

- Все Шары погибли, не выдержав испытания. Выжил лишь один! - крючковатый палец старика указал на Петрова. Предваряя вопрос Милли, распахнувшей на него глаза, добавил: - А ваш был выведен из турнира, как только поняли, что гибнет. Остальным данной привилегии не предоставили.

- Почему? - вскочил Шилов. Кулаки угрожающе сжаты, того и гляди, бросится на щуплого пророка.

- Идемте! - пригласил старик. - Вы трое удостоены чести знать правду.

Повел их за собой наверх, в обсерваторию.

Изображение звездного неба проецировалось на сферический потолок (астроскопу не страшны атмосферные помехи и солнечный свет).

- Смотрите!

- Небо как небо. Млечный Путь, альфа Центавра, - не понимал Петров. - Подождите, а где звезды? Почему пятна на экране, помехи или неисправность?

Умом уже понял, но душа не хотела верить.

- Не пятна это, Петр. Прокрутите, будьте добры, данный фрагмент небесной сферы за последние двести лет! - попросил старик оператора.

Страшное кино впечатлило. Небо, сплошь усеянное звездами, вдруг словно проткнула черная капля, растекавшаяся во все стороны с увеличивающимся ускорением. Ближние звезды по-прежнему излучали свет, а дальние гасли. Будто некто большой и сильный стирал их гигантской кистью.

- Что это? - схватилась за сердце Милли.

- Пройдемте! Нас ждут.

В аудитории восседали важные персоны.

- Правление ЦОЦа, знакомьтесь. А это - наши новые сотрудники! И не надо укоряюще глядеть на меня, госпожа Милли! Вы теперь посвященная, а значит, наш сотрудник, и только так, а не иначе, хотите вы того или нет. Правда не должна выйти за пределы этого здания. Пока.

Старик и вправду оказался великим Горовым. Еще Петров узнал Председателя, ораторствовавшего вчера во Дворце. Остальных видел впервые - советники какие-то, генералы, ученые... зашифровались в своем ЦОЦе, та еще контора!

Вводить в курс дела новеньких взялись издали - с истории вопроса.

Что звезды начали гаснуть, заметили двести лет назад. Предположили рождение гигантской Черной Дыры. Событие не взволновало, ибо далеко, на другом конце Вселенной.

Но процесс шел столь активно, что вскоре явлению повысили статус, назвав Большим Взрывом. Только рождался там вакуум. Поглощая материю нашей Вселенной, вакуум лишь становился

мощнее. Вопросом заинтересовались на уровне правительств; создали интернациональный ЦОЦ – всемирную организацию по изучению данной проблемы; тему засекретили во избежание паники. Случилось это полтора века назад.

Еще через сто лет стало ясно, что и с Большим Взрывом ошиблись. На самом деле все куда хуже: мы имеем гравитационное схлопывание Мироздания с рождением в его пучинах ложного вакуума. Наш метастабильный мир туннелировал к состоянию абсолютного минимума энергии. Материя обречена. Галактике Млечный Путь вместе с Землей оставалось совсем ничего – несколько лет.

- Над вопросом «как спастись?» бьются не только в ЦОЦе, но и все умные люди, сами того не подозревая. Правильно, Петров, сообразили – через Шары, посредством организации Турниров. Бывает, мозг отдельного индивида сотворяет такое, что не под силу целому институту. И ведь так оно и вышло, оправдал себя поиск по максимально широкой аудитории! А сомневались! оплеух сколько принял за пускание средств на ветер, коллеги не дадут соврать. Но не суть, счета сводить нет времени.

- Шары ЦОЦа тоже погибли, вакуум убил всех. Кроме Ивана... господин Петров, можно и нам называть так ваше творение? Спасибо. Зачем, говорите, столь жестоко? Ну так... десять Лун не заменят одного Солнца, не правда ли? Сильнейший должен был закалиться – и он закалился.

Горов тонко улыбнулся, встал и вышел на середину.

- Впервые, господа, у человечества появилась надежда – привитый Шар! И мы не упустим шанс. Пошлем к черту вакуум! – Он резко повернулся к окну, седые патлы его взметнулись, словно нимб, сверкающий взгляд буравил пространство. Он сложил пальцы в кукиш и потряс над собой небу. – На-ко, выкуси!

Выплеснув эмоцию, Горов успокоился, вернулся на место и попросил Петрова доложить правлению, что же такое заложено в Иване особенное, что смогло противостоять вакууму.

- Не знаю! – пожал плечами создатель. Он вообще сомневался в умственных способностях окружающих: как может маленький Ванька, пусть и привитый, спасти Вселенную?

И тут же ощутил всплеск отрицательных эмоций, уловил недоуменные взгляды... Человечество гибнет, а этот вздумал в секреты играть!

- Господа, брейк! Я правда не знаю. Не смотрел еще. Иван сам. Сам, понимаете! Могу лишь предположить – изменил массу какого-то из бозонов: то ли Хиггса, а, может, Голдстоуна...

Осторожнее надо с этими господами... Относятся к Шару, как к защитному зонтику. А для него он – сын. В этом отличие. Но заострять не будет, могут понять превратно.

Видя, что Петров недоговаривает, члены правления переглянулись.

- Шар вам не игрушка! – гаркнул генерал. – В каждом Шаре заложен сингулярный механизм! Большой Взрыв!

- Что-о? – вскочил Петров. Был уверен, что знал все о своем ребенке, а оказалось – о главном не подозревал. Шар – бомба, порождающая Большой Взрыв! В мозгах не укладывалось. – А если б какой дурак свой Шар запустил?! Какую Земле и без вакуума!

- Молодой человек. Запустить - энергии хватит лишь на один Шар. Ключ от механизма хранится в сейфе ЦОЦа - насколько его охраняют, надеюсь, пояснять не надо? - осадил его Горов.

- А-а... ну тогда ладно!

Вот почему Шары невозможно ни купить, ни подделать. Дорогие штуки. Именно на них опустошили закрома Солнечной системы. А не на мифических инопланетян. С другой стороны, может, оно и правильно - думать всем миром?

При наступлении момента «Х» Шар сожмется в пи-сингулярность и - вывернется наизнанку. Методом Большого Взрыва начнет разворачиваться во Вселенную. Но не просто разворачиваться, а с сохранением основных принципов, заложенных в стек. Слой за слоем.

Владея сингулярной технологией, можно создавать Вселенные. Сжал - разжал. Вопрос - что упаковывать? Можно ведь и стул занулить и вывернуть, получив на выходе Вселенную Стула. Бессмысленную, не пригодную для жизни.

- А я-то вам зачем? - вдруг спросил Шилов, пока Петров растекался в эмоциях.

- Ну как же! Нужны! И вы, и госпожа Милли!

Если Иван справится с вакуумом, - объяснили им, - то в ближайшем будущем настигнет наш Мир. И встреча должна быть дружественной. Не из огня же да в полымя, своими руками сотворенное... Новый мир не должен уничтожить старый! Наоборот, сохранить и улучшить.

Госпоже Милли доверено собрать биоматериал, используя полезные наработки своего Шара. А Шилов поможет с усовершенствованием пространства - решено подправить его топологию, чтобы облегчить людям будущего передвижение по Вселенной. Преимущества своей теории Шилов продемонстрировал конкретно: жизнь в его Шаре продержалась дольше, чем в остальных, лишь потому, что имела банальную возможность удирать.

Петров потер в возбуждении руки.

- Отличная мысль, полезная функция. Беру.

Расходились после совещания бодрые, настроенные на работу.

И никто не услышал недовольного брюзжания генерала.

- На детеныша надеются, с ума посходили. Столько подарков выслали монстру... термояд, дыры... сожрал и не подавился! А тут - дитя малое, мля! - а прыгают-то вокруг, будто елка новогодняя...

Совещание, ставшее историческим, дало толчок, работа закипела. Семью Петрова поселили в ЦОЦе. За ворота выходить запретили, но, с другой стороны, обеспечили всем необходимым, в том числе и школу ребенку - уроки Яне давали свои же сотрудники. Еще она бегала по дорожкам парка, поддерживая спортивную форму, и рисовала, мольберт стоял рядом с Иваном. Заодно работала переводчиком. Шар мог долго усваивать простые - на первый взгляд! - вещи и стремительно справлялся со сложными.

Раны Иван залечил быстро.

Шилова с его идеями воспринял на «ура» и с азартом подключился к поиску наилучшего решения. Как организовать метрику пространства? Хотелось таким образом растянуть высших размерностей полотно, чтобы туннели, прорезая его, охватывали как можно большие расстояния в нашем трехмерном мире. Объять необъятное – почему нет? Именно Иван и нашел в итоге изящное решение. Сочился довольством и урчал, слушая хвалебные оды со стороны математиков. Янка тоже сияла, гордая за него.

Группа Милли в авральном порядке подготовила биоматериал. На ввод капсул собрался весь присутствующий персонал, прибыло начальство в полном составе, момент – исторический! Но когда стали вводить – случился конфуз: Иван отказался принимать капсулы. Петров и так подступал, и эдак, чуть не вприсядку скакал перед Шаром – бесполезно. Иван отсвечивал оранжевым, зеленым, синим – и выплевывал. Сам Горов увещевал, и Янка стыдила, нашептывая мантры – тщетно. Ни в какую. Упрямый, как все Петровы... Сотрудники разошлись лишь к ночи, растерянные.

На следующий день ни свет ни заря Яна разбудила отца.

- Пап, он признался! – шепнула, ухмыляясь. – Он хочет наши – мои, твои и мамины – ДНК! а не только чужие!

- Почему сразу не сказал? – не поверил Петров.

- Стеснялся! – покраснела дочь. Ну да, она бы тоже, при таком скоплении народа... и как сразу не догадалась!

Петров недоверчиво хмыкнул. Стеснялся... ну и ну!

Добавили в набор требуемые гены – и прошло! Шар принял капсулы! И дочь смеялась на отца, на его вытянувшееся лицо, и шепталась во время коротких пауз с Ванькой.

Петров боялся, что вечная разлука с любимой игрушкой, ставшей фактически родным братом... эх, если бы братом, как бы не больше... скажется отрицательно на здоровье дочери. Привлек психолога. Но она отказалась с ним беседовать, заявив, что справится без посторонних.

Подготовка завершилась в срок. Ресурсы Земли собраны в единый кулак – все готово для взвода механизма. Курок спустит сам Шар, когда посчитает нужным.

Иван стоял на постаменте в центре огромного терминала для гиперпереходов. С импровизированной трибуны звучали речи, сыпались пожелания и напутствия. Ораторы как один повторяли: они верят – он выйдет навстречу Тьме и порвет ее, развернется новым миром, спасет остатки Вселенной – и нашу Галактику!

Потом персонал покинул зал, оставив Петровых наедине с Иваном.

И только тогда Яна позволила себе расплакаться. Поток хлынули слезы, нос хлюпал, перекошенный рот издавал нечленораздельные мычащие звуки. Руки не отпускали Шар. Отец с матерью тоже вцепились в него.

- Прощай, Иван! Ты наше продолжение. Помни. И это... того... в общем, только от тебя... только ты... будем ли мы жить! – В носу у Петрова свербило, слова не шли, разлетались

мухами.

- С кем я теперь?! Ва-а-анька! Я буду ждать! Буду, слышишь? Ты обещал, Ва-а-анька! - собравшись с силами, простонала Яна.

Ребенка, не желающего уходить, отец унес на руках.

Обратный отсчет торжественно запустил Горов. С каждым ударом метронома Шар уменьшался в размерах. Ровно в полдень прозвучало «пуск» - и он исчез, озарив терминал кратковременным зеленоватым сиянием.

Прошло полгода.

Скрывать надвигающуюся катастрофу больше не представлялось возможным: небооруженным взглядом просматривалось абсолютно черное ночное небо с редкими звездами. Земля сканировала небесную сферу во все свои астроскопы, но никаких положительных изменений не замечала. Звезды гасли по-прежнему.

ЦОЦ во всеуслышание объявил, что близится всемирная катастрофа. Надвигается Тьма. Но шансы на спасение есть, и немалые - пятьдесят на пятьдесят.

Чтобы в панике народ не самоуничтожился, скрываясь в немыслимых местах, «успокоили» описанием собственно катастрофы. Больно не будет. Р-раз - и ничего не будет, сразу и везде.

В день ожидаемого катарсиса никто не работал, одетые в белое люди братались и прощались.

Но катастрофы не случилось. Не случилось и на следующий день, и через неделю.

Народ обозвал ученых шарлатанами и вернулся к повседневной жизни.

Год небо пугало людей черной пастью. А потом зажегся в небе один огонек, другой... Возвращались звезды постепенно, но совершенно в ином порядке, складываясь в новые причудливые орнаменты. Удивительное явление смены картины ночного неба народ запечатлел в памяти, сложив песни, баллады и сказки.

Турниры больше не проводили: ЦОЦ изъясил все оставшиеся Шары.

Яна так и не смогла обрести душевное равновесие, слыла нелюдистой, пугливой и застенчивой. Достигнув совершеннолетия, ушла от родителей и вообще от людей, поселилась в хижине на краю леса. Местные обходили дикарку стороной, ходил слух, что она - ведьма.

Но однажды... Ровно в полдень, в день ее рождения, хату завалило ландышами. Более того, вся поляна покрылась ими! Потрясенная, Яна глядела на благоухающее великолепие... это Иван! Он не погиб! Наоборот, родился. Вырвался на свободу из маточного пузыря, в котором пребывал на Земле. Сколько родители ни убеждали - не верила. А теперь - поверила.

Носилась по траве, словно одержимая, кричала, смеялась и рыдала в бездонную синеву неба.

Отец, следивший за ней из лесу, довольно улыбался - это он постарался с ландышами. И все то не обман, Иван потом спасибо скажет. Да, когда-нибудь потом. Сейчас ему некогда - Вселенную разворачивает, но разве женщинам объяснишь...

Пятьсот лет спустя.

- Ване-ек! Ва-анька!
- Чего кричишь? Не глухой.
- Где тебя носит? Устала одна.
- Пока найдешь... шныряешь по всей Галактике. Зря туннели тебе показал.
- Не сидеть же на одной орбите! Подругу ты мне отказался...
- Не начинай. Сто раз говорил - люди созреть должны, сами создать технологию.
- Но мы...
- Вы - другое. Вы - это я.
- А расши...
- А расширять контингент - отказываюсь.
- Зануда!
- Сама такая!
- Не сердись... Скучаю, понимать должен. Скорей бы уж!
- Так все! Готово! За тобой пришел.
- Как! Уже?
- А чего тянуть. Родители ждут, поляну накрыли.
- П-поляну? Какую еще поляну...
- Идиоматический оборот.
- Ой ли, Вань? Поляну... уж не ландышей ли? Да? Ландышей?
- Ничего от тебя не скроешь... но смотри - сделай вид, что потрясена.
- Погоди... так вы что - засадили мою планету?
- Нет, только одну поляну. Временно. Я ж понимаю - сама все хочешь, хозяйка. Биоматериал получишь как договаривались - как только, так сразу.
- Атмосфера?
- С точностью до процента.
- Жэ?
- Девять и восемь. Упарился с твоим жэ. Не переживай, будет тебе вторая Земля. Но год будет

дольше длиться, извини.

- Чего-то я как-то... побаиваюсь. Вдруг не смогу?
- Не дрейфь. Теорию сдала отцу? – сдала. А он строгий экзаменатор. Кометой же смогла!
- Сравнил – комету с планетой.
- Предлагали тебе – давай в звезду, вариант надежный. Вон, отец с матерью...
- Ага! Двойная тесная с перетеканием масс... шутники!
- Вот! Может, передумаешь? Последний раз спрашиваю.
- Мне звездой скучно, Вань. У меня – люди скоро появятся – от это я понимаю!
- Человек – не букашка, придумала, как внедрять будешь?
- Ага.
- Звездолет с Земли? Эволюция?
- Нет. Начну с пары, Адам и Ева. ДНК – отца с мамой.
- Даешь... родители не одобрят.
- А ты не болтай! Перед фактом поставлю – никуда не денутся. Знаешь, я тут подумала... правильно ли – вместе с родителями жить? в одной хате... под недремлющим оком...
- Вот по этому поводу можешь не волноваться. Отец с Шиловым на дыры нацелились... на мою голову... исследователи, мать их...
- Не ругайся.
- Приближаемся. На счет три. Раз, два...

Рубка звездолета озарилась зеленоватым сиянием. Вахтенный недоуменно поднял голову, протер глаза... Сияние исчезло. Бросил взгляд на радар – ни единого небесного тела в округе на сотни километров. Куда делась комета, летевшая в отдалении параллельным курсом? И диалог этот странный... Он потряс головой. Мистика! Доложить наверх? Так засмеют, спать на дежурстве нельзя, скажут.

Да вот же оно! – радиосвязь включена не только внешняя на прием, но и внутренняя, по кораблю... Выдохнул облегченно, отлегло на сердце. Дамы опять сказки слушают... астрозавки.

Техномистика будущего

Ирина Лазаренко

Генка, Милка и айбоггард

Родители надеялись, что он здесь умрет. Во всяком случае, поначалу Генка был в этом уверен.

Ну ладно, пусть он действительно провинился! Но не со зла ж – по глупости! По доброте даже,

если угодно. Подумаешь, открыл бокс, выпустил теленка погулять на травке. Кто ж знал, что тем самым он «загубил плод кропотливой селекции» и выставил родителей на крупный штраф?

В свою очередь, теленок загубил Генкины летние каникулы – а уж как Генка ждал этого месяца, сколько они с друзьями всего запланировали! И в стрелялки пострелять, и в «копалке» новый город построить, и в леталке налетать сто часов за две недели на самую жирную ачивку!

И что вместо этого? Родители отобрали у сына всю (всю!) технику и отправили на каникулы к дедушке, которого Генка видел раз в году, в свои дни рождения. Он знал, что дедушка обитает в месте под названием «деревня», а из приглушенных родительских разговоров уяснил, что дедушка «человек сложный» и «живет природосообразно». И вот теперь Генку отправили в это природосообразное место, чтобы «подумать над своим поведением».

Когда Генка увидел деревню – чуть не завыл от ужаса. И завыл бы, если б такое было к лицу одиннадцатилетнему парню. Вокруг – сплошные кусты, поля и деревья, как на той злополучной ферме с телятами, и ни одного нормального дома вокруг, сплошные недомерки на один этаж с чердаком. Генка видел такие маленькие домики в одной компьютерной игре, но в игре ему не было страшно. Там-то в любой момент можно было снять вирт-очки – и оставалась лишь картинка на стене комнаты. К тому же, игровой простор не выглядел таким – огромным, пустым и страшным, и не казалось, что небо сейчас свалится тебе на голову.

Родители провели в деревне полдня, тоже маясь от отсутствия гаджетов под насмешливым взглядом дедушки, и к вечеру с видимым облегчением уехали, оставив сыну множество бестолковых напутствий.

Как будто у Генки есть выбор, слушаться ли дедушку или не слушаться – ведь в доме нет других взрослых! Или будто он может выбрать, хорошо себя вести или плохо – ведь он даже не знает, что в этом странном месте хорошо, а что плохо. Или...

На ужин дедушка выдал внуку кружку молока и кус пушистого хлеба с рваным краем. Генка поначалу даже не понял, что вот это – ужин. Молоко было теплое, хотя нигде не видно СВЧ-печки. Вообще никакой техники нет, кроме холодильника и очень старой индукционной плитки, из-за чего дом кажется голым. И сам Генка себе кажется голым без привычных гаджетов на руках, поясе и шее.

Молоко было несладким и безвкусным – не клубничное и не шоколадное, а не понять какое. Просто молочное, с пузырьками воздуха и уютным странным запахом. Дедушка сказал, что «это с вечерней дойки», Генка ничего не понял и на всякий случай кивнул. В хлебе тоже ничего не было, ни сыра, ни цукатов, ни кокосовой стружки. Ну как таким наешься? Неудивительно, что дедушка такой маленький и щуплый! Неужто и внука голодом морить будет?

После «ужина» дедушка и вовсе учудил: налил в маленькую чашку молока, положил кусок хлеба сверху, поставил все это на подоконник и заявил: «А это для тебя, домовой-батюшка». Поклонился чашке и принялся убирать со стола. А Генка сидел и пялился на него, открыв рот. Какой такой Домовой? Кошка, что ли? Почему она «батюшка» и где она?

Генка был уверен, что не заснет без своего колыбельного ночника, про который мама говорила, что его давно пора выкинуть, потому что Генка уже не маленький. И без ортопедического матраса с тройным пружинным плетением тоже не заснет, и без одеяла с волокнами бананового дерева. Здесь в его распоряжении оказалась маленькая полупустая комната, примыкавшая к кухне, ужасно твердая узкая кровать, которую дедушка называл

«топчан», и тяжеленное одеяло с пыльным запахом. С чердака несло шуршание, за тонконогой тумбочкой чудились тени, из кухни слышался скрип половиц. То ли дедушка там ходил, то ли этот неведомый Домовой. Но разве пол так скрипит под кошачьими лапами?

В маленькое окошко светили звезды и яркая желтая луна – они еще больше пугали Генку. В городе небо всегда затянуто дымкой, над которой едва виден расплывчатый круг месяца. А про звезды Генка думал, что они бывают только в планетарии.

Ох, родители наверняка очень расстроились из-за теленка и большого штрафа и решили избавиться от своего недотепистого сына, в отчаянии подумал Генка, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать.

* * *

И все-таки через несколько дней он почти освоился в деревне. Хотя...

Когда Генка узнал, что молоко дедушка добывает прямо из коровы и тут же ставит на стол – сначала даже не поверил. Как можно поить ребенка не пастеризованным, не витаминизированным молоком без вкусовых добавок и консервантов? Кто знает, что может случиться от этого! Дедушка с ума сошел, что ли? У него детей никогда не было? Кто же вырастил маму? Однако выбора у Генки не было, и он стойчески переносил все эти издевательства: натуральное молоко, огурцы и помидоры прямо с огорода – мелкие, издевательно-пахучие, а еще яблоки прямо с деревьев – тоже мелкие и пахучие, какие-то кособокие, без восковой пленочки на кожуре. И малину с колючих кустов, не обработанную от вредителей. И абрикосы, не прошедшие очистку паром. Да что там пар – дедушка просто срывал их и ел. У него даже стерилизатора в доме не было.

Генка, как было велено, слушался деда, покорно наяривал еду без ГМО и стабилизаторов и смирился с мыслью, что умрет от этих издевательствах.

Каждый вечер дедушка ставил на подоконник молоко и хлеб, иногда – блюдечко каши (каша у него была из мешка, а не из пакетиков, без фруктов, цукатов и сахара), один раз положил конфетку. По утрам чашка оказывалась пустой, от хлеба оставались одни крошки, но куда девается еда – Генка в толк не мог взять. Кошки у деда не было, с этим он разобрался. А кто топчет в кухне по ночам – так и не понял. Выйти посмотреть было страшно, да и чувствовал Генка, что нельзя.

Дед продолжал разговаривать с неведомым «батюшкой-домовым» и временами чего-нибудь просил у него: то найти затерявшуюся катушку ниток, то прогнать мошек из дому, то просто снов хороших. И нитки потом действительно находились, а мошки пропадали неведомо куда.

Объяснений Генка не просил. Боялся.

Но хуже всего были коровы. Коровы! Кому рассказать – не поверит! Те фермеры со своими телятами в боксах ума бы лишились, увидев, как взрослые коровы ходят по пригоркам, поедают целые тонны травы, пьют воду прямо из озера и гадят где ни попадя! И никто не убирает за ними.

Рано-рано утром дедушка и зевающий Генка шли в конец улицы, где хозяйева собирали большое деревенское стадо. При виде этих животных с Генки слетала утренняя дрема, на висках и спине проступал пот. Он жутко боялся рогатых гигантов. Когда они поворачивали к Генке большие головы с круглыми черными глазами, ему казалось, что коровы примериваются, куда

его лучше боднуть и как быстрее повалить его наземь, чтобы растоптать крепко сбитыми копытищами.

А дедушка бодро покрикивал на коров, погоняя шагать на пригорок, махал на них палкой, когда разбредались, а некоторых особенно резвых и охаживал по бокам. Генка считал деда опасным безумцем, лишенным чувства самосохранения.

Неудивительно, что деревенские жители не носят гаджетов! Айгарды бы тут захлебнулись воплями!

Сам Генка отваживался подходить только к телятам, да и то не очень близко – так, помахивал на них руками, чтобы не разбегались. И всякий раз думал про того теленка из бокса. И про фермеров. И про здешних людей – похоже, их совсем не волновало, что телята бегают и скачут, нагуливая мышцы и становясь от этого невкусными. Соседская девчонка Милка, которая таскалась за дедом и Генкой, тоже совсем не боялась коров и спокойно проходила прямо между ними.

Днем на пастбище появлялись женщины с ведрами, извлекали молоко из коров. У них это называлось «дойка». Те же женщины приносили еду пастухам: грубые лепешки, диковинный картофель, сваренный прямо в кожуре, яйца – тоже в кожуре, а еще лук – такой горький, что от него слезы на глазах выступали. Вся еда была омерзительно пресной, без вкусовых добавок и ароматизаторов, с одной лишь солью из мешочка, но оголодавший Генка был рад и этому.

Часть своего «обеда» дед и Милка сразу отделяли и оставляли на камнях или лопушиных листьях, объясняя, что это «для полевика».

К закату стадо возвращалось в деревню, и Генка падал на кровать совершенно без сил. А дед, свежий и бодрый, еще что-то делал в своем огорожке. Помощи он не просил, и внук был только рад этому.

По вечерам заниматься ему было нечем. Дед притащил откуда-то пачку белой бумаги и цветные палочки, а еще – толстые стопки сшитых желтоватых листов в плотных обертках, и предложил внуку «порисовать или почитать». Генка смотрел на листики и цветные палочки и не понимал, зачем дед над ним издевается. Как рисовать без планшетки? Как читать без говоридера?

Иногда по улице с воплями носились местные мальчишки.

– Пошел бы с парнями поиграл, друзей завел, – ворчал тогда дедушка, а Генка косился на него и опять ничего не отвечал.

Он молчал, потому что был воспитанным парнем, а как воспитанно отвечать на такое? Как завести новых приятелей, если родители отобрали айдружилку? И как играть с этими мальчишками, если ни у кого из них нет ни техники, ни гаджетов? Ну вот просто совсем нет! Генка разглядывал мальчишек из окна и не смог понять, что они делают: только носятся и орут чего-то. Похоже на геймерскую команду, только во взаправдашнем мире, решил Генка в конце концов, но как в такое играть – так и не понял и к мальчишкам не присоединился.

К тому же, глядя на них, Генка ощущал себя неловким, нескладным. Его деревенские сверстники были как на подбор – худые, загорелые и крепкие, как плетение на ремешке «умных часов». Генка глядел на них и сам себе казался неуклюжим и неповоротливым, хотя среди друзей он считался самым подвижным и ловким, даром что всех уделывал в «кинекте».

Да и тело у него после целого дня ходьбы ныло так, что шевелиться все равно не хотелось.

Генка так и не решил, хотелось бы ему подружиться с деревенскими ребятами или нет. Он тосковал по гаджетам и своим друзьям, переживал из-за стрелялок и ачивок, и даже поделиться своими печальми ему было не с кем. С дедом про такое не заговоришь, слишком уж хитро он глазом косит, будто того и ждет, когда внук примется жаловаться. А больше Генка ни с кем тут и не общался, если не считать Милки. Но она же малявка, на целый год и три месяца младше Генки.

Милка была белобрысая и загорелая, с вечно разбитыми коленками и яркими голубыми глазищами. Девчонка целыми днями ходила за коровьим стадом вместе с Генкой и дедом – говорила, что переживает за своего черно-белого теленочка: очень уж он шепутной, но притом крохотный и слабенький, как бы взрослые коровы его не обидели. Милка без конца рассказывала странные истории, а еще дергала цветы из земли и «плела веночки», то есть соединяла вместе много-много мертвых цветов, а потом зачем-то носила их на голове. Генка поначалу испугался, когда девчонка принялась рвать цветы, но дед ее не остановил, и сирена озеленатора не завывала, и вообще ничего не произошло.

Черно-белый теленок действительно был бестолковым и все норовил отбиться от стада. Но Генка подозревал, что Милка ходит за ними не из-за теленка, а от скуки и от любопытства. А что подозревал дед – никто не знал. Он только косил хитрым глазом и усмехался в седые усы.

* * *

Генка, слушая краем уха Милкин рассказ, дергал яркие зеленые травинки. Ему понравилось, что траву можно срывать и за это ничего не бывает. Что трава не заканчивается, ее еще много-много, сколько ни выдернешь, сколько коровы ни съедят – меньше как будто и не становится. Зеленые холмы с редкими деревцами раскидываются так далеко, что не видно конца, и запах над ними стоит свежий и горький, и кузнечики в траве стрекочут, и бабочки-шмели летают – самые настоящие, а не проекция! Просто так летают, на воле! А с другой стороны – лес, такой большой и густой, словно его никто не сажал, а он сам вырос давно-давно.

- Тогда пошел Иван искать свою стрелу и пришел в болото. А там сидит лягушка-квакушка, держит стрелу в роте. И говорит Ивану человеческим голосом...

Вообще-то Генка часто слышал от родителей похожие истории: как айженилка кому-то нашла хорошую пару далеко-далеко, так что этому кому-то пришлось тащиться в другой город, чтобы «сочетать свою судьбу» или как-то так. Генка тогда не очень прислушивался к разговорам родителей, а теперь – к щебету Милки. Она вечно рассказывала какие-то ужасы и называла их словом «сказки», и смотрела на Генку так, словно он должен был что-то от этого понять. Но на сей раз почти понял, о чем говорит Милка, и бросился прояснять ситуацию.

- И почему айженилка отправила его к лягушке?

- Кто направил? – Милка нахмурила выгоревшие бровки.

- Ну, эта... как ты ее назвала...

- Стрела!

- Ну пусть стрела. Почему она направила этого Ивана к лягушке? Она поломанная была?

- Кто поломанный?

- Да стрела эта! - начал сердиться Генка.

- Не поломанная она была, она нормальная была, ты дальше не дослушал! Это не лягушка никакая вовсе, а девица-красавица, которая просто превратилась в лягушку!

- А-а, - понимающе протянул Генка и успокоился. Как любой нормальный человек, он знал: если есть немодифицированную еду, то можно со временем превратиться в эту же еду. Девица-красавица наверняка обжелась натуральных лягушачьих лапок, вот и случилось с ней то, что должно было. Так и Генка к концу месяца, наверное, станет картофелиной. Тогда родители будут знать, как отсылать ребенка в деревню.

Генка с укоризной покосился на деда, но тот сидел далеко, под пригорком, строгал что-то ножиком и поглядывал за стадом. Коровы лежали в густой траве, лениво жевали и гоняли хвостами мух. Телята тоже лежали или стояли поодаль, все кроме черно-белого, который по своему обыкновению отбился от стада и бродил поодаль. На детей дед не смотрел. Как будто ему и дела до них не было.

А Иван из Милкиной истории вел себя как совершенный дуралей: бегал вокруг родственников, выполнял их поручения, без конца говорил разговоры - и за все время ни разу не вызвал к жене моментальную помощь. Кажется, этого парня совершенно не волновало, что девица-красавица превратилась в лягушку.

- Но не послушал жену Иван-царевич, побежал домой и сжег лягушачью кожу! - вытаращив глаза, заявила Милка, и Генка снова удивился.

Как так - просто взял и не послушался? И никто не узнал? У Ивана что - не было умных часов с камерой, маячком и адекваткой?

Тут Генка понял, что у него самого тоже нет сейчас часов, впервые за всю жизнь. И он, получается, тоже может не слушаться. И никто ничего не узнает.

Генка задумался. Он не представлял, к чему приводит непослушание и что из-за этого бывает. У всех людей из его мира с младенчества были часы с камерами, маячками и визжалками-адекватками. Так что если детям и приходилось совершать нечто негодное - так лишь по незнанию или недомыслию, как с тем злосчастным теленком. А теперь, выходит, если Генка убежит в лес или сиганет в колодец, то никто не будет визжать на него и никто не накажет.

Так получается?

Мысль о вседозволенности испугала и заорожила его. Мало ли, к чему такое приводит. Вон Иван из Милкиной истории не послушался жену, кожу сжег и страшных дел натворил. А Генка вовсе не такой смелый и решительный, как этот Иван.

К тому же никто ему не запрещал теряться в лесу и сигать в колодец. Поняв это, Генка окончательно смешался. Ему вообще ничего здесь не запрещали. Просто он сам понимал, чего делать не надо.

А кто сказал, что он все понял правильно? Вон они какие странные тут, в деревне. Может, тут вообще все можно, а он... а он понятия не имеет, что с этой возможностью делать!

- И стали они жить-поживать и добра наживать, - грустно закончила свою историю Милка,

помолчала, тяжело вздохнула и добавила: – Не то что мои мама с папой.

– Они что, умерли? – испугался Генка. У Димона, его приятеля, умер папа, потому что мгновенная помощь оказалась недостаточно мгновенной, и Димон с тех пор был ужасно грустный.

– Не, – Милка замотала головой и принялась расправлять на коленках застиранное платице. – Просто ругаются чего-то. Все ругаются и ругаются, и кричат друг на друга всякое. И так страшно и обидно, потому что они раньше не кричали, а теперь вот кричат, а бабушка говорит, что это на наш дом или порчу навели, или мы домового обидели, и теперь нужно порчу яйцом выливать, а домового задабривать, только мама с папой не слушаются и все кричат.

У Генки от таких дел все мысли в голове перемешались.

– Я не понял, почему они кричат, – признался он. – У вас что, изин-излучатель сломался?

– Порча у нас, – терпеливо повторила Милка.

– Излучатель испортился? – по-своему понял Генка.

– Да какой еще лучатель?

– Изин-излучатель, – Генка хотел все толково объяснить, но вдруг понял, что плохо представляет себе, как эта штука работает. Как и большинство других удобных штук, к которым он привык с детства. – Ну, он... он просто висит где-нибудь и издает такой неслышимый звук. И звук этот действует прямо на мозг. А мозг от него становится спокойным, тогда люди друг друга не сердят и не орут. Понимаешь?

– Нет у нас никаких лучателей, у нас колдовство! Всамделишное, природосообразное! Если с домовым дружить, тогда в доме будет мир, и волосы не путаются, и вещи не теряются. А если домового обидеть, тогда плохо будет! А бабушка говорит, что наш домовый старый очень и свар... сварваый или как-то так, и что к нему какой-то подход искать надо. А мама с папой подход не ищут, а только кричат друг на друга.

– Так у вас тоже есть домовый, – это было самое важное, что уяснил Генка.

– У всех есть домовый, – сердито ответила девочка. – Ты что, с чердака свалился? Домовой живет в тайной норке и следит за домом, и если хозяева ведут себя хорошо, то он им тоже хорошо делает, а если ведут себя плохо, то домовый им пакостит. Как полевики в полях, лешие в лесах...

– Так они вроде операторов, – сообразил Генка. – Значит, это домовый отключил вам изин-излучатель? А вы ему напишите или позвоните... ай, ну то есть сходите к нему и скажите, что нужно все починить. Он вам штраф выпишет, да?

– Что? – Милка смотрела на Генку испуганно. – Какой еще штраф? К домовому нельзя ходить, он прячется от людей, а показывается редко-редко, только тому, кого сам выберет!

– Что это за оператор такой, который прячется? Он не прятаться должен, а отчеты давать, где, чего и как! – возмутился Генка и тут же, захлестнутый негодованием, решил остаться на ночь в кухне и дожидаться там топотливого домового.

* * *

Ночью в кухне было очень тихо и очень страшно. Генка, замотанный в одеяло, примостился в углу, между дверью в свою комнату и большим обогревателем под названием «печка». Генка сидел, не шевелясь, и неотрывно таращился из темноты на подсвеченный луной подоконник над столом. На подоконнике стояла чашка и лежала лепешка, и от напряжения Генке то и дело казалось, что они двоятся или что за ними вырастают чьи-то тени. И еще все время мерещилось, будто большой кособокий буфет у противоположной стены начинает валиться набок.

Сам себе он казался героем какой-нибудь шпионской игры, и это было не очень-то волнительно, потому что Генка больше любил стрелялки. Но ему нравилось представлять себя со стороны, таким хитрым и находчивым, так ловко замаскированным. Нипочем домовой его не заметит!

И он действительно не заметил. Да и Генка не сразу понял, что тихое бормотание и топот – не плод его «шпионской» фантазии.

– И куда подевалось, куда подевалось? – озабоченно бормотал сильно окающий плаксивый голосок. Топот доносился из-под стола.

Проморгавшись, Генка разглядел там движение – что-то вроде пушистого тапочка металось туда-сюда, чем-то звякало и причитало. Потом протопотало в сторону дедовой комнаты, мимо буфета. Скрипнула дверь, и все стихло.

Генка сглотнул и вцепился в одеяло покрепче. Ох, не стоило ему приходить сюда, не стоило! Может, тихонько нырнуть в свою комнату, пока этот тапочек не вернулся?

Генка оглянулся на дверь, и тут же рядом с ним, невысоко над полом, вспыхнул свет, как показалось с перепугу – ослепительный. Генка зажмурился и втянул голову в плечи.

– Ну и чего ты тут, чего? – затараторил окающий голосок. – Чего в углу притаился, аж весь запылится? Глаза-то открой, чай, с тобой говорю, не с одеялом!

Генка открыл один глаз. Свет был вовсе не ярким – приглушенная ночная подсветка «умных часов». Часы были надеты на руку крохотного нелепого существа, и Генка удивился не столько даже этому существу, сколько тому, как оно умудрилось приспособить ремешок под свою руку-веточку.

Домовой и правда был размером с тапочек. Или с котенка, который всегда прибежал с одной из женщин к дневной дойке. Только домовой был с виду почти как человек – или, скорее, как одна из кособоких Милкиных кукол. Длиннорукий, коротконогий, большеголовый, со свалывшимся комом волос, одетый в джинсовые штанишки и рубашку без пуговиц. Домовой изучал Генку при свете «умных часов» с тем же любопытством, с каким Генка изучал его.

– Я Кузьма, – сказал он наконец, – домовой. А ты чего, глупенькой, что ли?

– Не-ет, – просипел Генка.

– Ну и правильно, – решил Кузьма, выключил подсветку на своих часах и затоптал к столу. – Только чего ж тогда не спросишь, к добру я тебе явился или к худу?

Генка окончательно растерялся, а домовой вскарабкался на подоконник и принялся жевать оставленную дедом лепешку. Было видно, как он болтает босыми ногами.

- Это я тебе явился, - решил Генка, а домовый на это презрительно хрюкнул в чашку с молоком, но не возразил. - Мне помощь нужна.

И Генка рассказал Кузьме про Милку, про ее вредного домового и родителей, которые без конца кричат друг на друга. И про то, что ей нужно починить изин-излучатель - уж после того, как Кузьма светил Генке в лицо «умными часами», ни про какое «колдовство» можно было и не заговаривать, чем бы это самое «колдовство» ни было. К тому же на столе перед болтающим ногами домовым лежал-посвечивал самый обыкновенный репеллер от насекомых, только старенький очень. Понятно теперь, куда мошки деваются! И как вещи находятся - тоже понятно: небось никуда они и не терялись, просто Кузьма свою важность показывал.

- Вот уж нетушки, так не пойдет! - решительно заявил домовый, когда Генка умолк. - Сами пусть ладят со своим домовым, я в такое не вмешалец. Небось не кормят его, грязь по углам развели, ножи на ночь не прибирают - а я чего, просить за них должен? Не было печали!

Генка такого решительного отказа не ждал и даже опешил, а Кузьма склонил к плечу лохматую голову и хитрым голосом добавил:

- Вот разве если мне кукурузочки. Вкусная кукурузочка нонче, мягонькая, молочная... Тогда я бы озаботился, конечно, поделился бы успокойкой, отчего ж нет? А без кукурузы мне какой интерес в чужие дела мешаться?

И уставился на Генку таким сверлящим взглядом, что тот аж поежился.

- Но там же темно, - после неловкого молчания заметил он.

- А мне до того и дела нету, - охотно завелся Кузьма и снова принялся болтать ногами. - Я чего, я вот пугалку выключу да спать пойду, я со своими делами управился, а до чужих мне и дела нет!

Генка посмотрел через черное окно на яркую полосу убывающего месяца и сглотнул.

- Давай завтра принесу, а?

- Да мне-то что, - проворчал Кузьма и завозился, слезая с подоконника. - Хоть завтра, хоть в будущем году, мне-то не к спеху, да только свидимся ли - кто знает... Спать пора-а, уснул бычок! - затянул он вдруг таким плаксивым и громким голосом, что Генка с перепугу голову в плечи втянул - сейчас дед проснется, выйдет на шум, увидит завернутого в одеяло внука и... Что «и» - Генка не знал, но проверять ему не хотелось. С домовыми, судя по всему, здесь панибратствовать не принято.

- Не ори, не ори, - он замахал на Кузьму одеялом, - принесу тебе кукурузу, принесу!

Домовой враз затих и снова устроился на подоконнике, помахивая ногами и сверля Генку выжидающим взглядом из темноты.

Во дворе пахло сладкими цветами и сыростью. Ветки яблонь и абрикосов в свете луны выглядели точно как пальцы космических пришельцев из любимой Генкиной стрелялки, и собственные шаги казались очень громкими. На огороде стало еще страшней. Кукурузные деревья были выше Генки, листья их шуршали, и все время казалось, что космические пришельцы со своими руками-ветками подкрадываются к нему сбоку, сзади, со всех сторон.

Со свистом дыша через стиснутые зубы, Генка принялся выламывать первый подвернувшийся

початок. Он охлаждал непослушные пальцы через тонкие пленочки-листки и норовил вывернуться из рук.

Почему бы деревенским жителями не выращивать кукурузу в вакуумных упаковках, как это делают во всех нормальных магазинах, а? Чем они вообще тут думают, зачем отдали свою технику лохматым тапкам и теперь позволяют им помыкать собою, ну вот зачем?!

Выломав пару початков, Генка со всех ног бросился обратно к дому и всю дорогу боялся обернуться: ему казалось, что шелестящие пришельцы из кукурузного леса гонятся за ним по пятам.

- А покрасивше не нашлось, помолочнее? - привередливо проворчал Кузьма, но початки забрал. - Ладно уж, помогу, подсоблю. А ты в кровать отправляйся, небось с утра-то на пастбище погонят.

Генка наблюдал, как домовый выключает разложенные на столе гаджеты и рассовывает по карманам своих джинсиков. Очень хотелось попросить у домового «умные часы» на денек - Генка ужасно истосковался по технике. Но просить он не стал - понимал, что часов Кузьма не отдаст. Наверное, они давно у него, эти часы - совсем уже старые, заношенные, ремешок скручен проволокой.

О том, чтобы просто взять и забрать чужие гаджеты, воспитанный адекваткой Генка и помыслить не мог.

- Где вы берете все это? - полюбопытствовал он, хотя не ждал, что Кузьма выдаст свои домовые секреты.

Но тот неожиданно ответил:

- Это еще ихние деды повыбрасывали, с тех пор и осталось. И теперь бывает, перепадает по мелочи. Приедет кто в гости к местным, потеряет чего-нибудь...

Голосок у домового был очень хитрый, и Генка фыркнул. «Потеряет», как же!

- Ты не думай, успокойки мало у кого есть, - Кузьма потряс изин-излучателем, - редкой ценности вещь, задешево твоей подруге одалживаю. Две кукурузины - тьфу! Ну да пусть. Знайте мою доброту. А если нужно будет чего - ты в подоконник стучи. Только зря не тревожь, языком никому не трепай, да гляди, чтоб деда рядом не было.

- Почему? - на всякий случай спросил Генка, и Кузьма строго ответил:

- Нам показываться не положено. Соседские домовые прознают - осерчают на меня, и что показался тебе, и что разболтал всякое! Я ж молодой ишшо, под их рукой хожу. Как сошлют меня на перевоспитание к деду, в двадцатый век, - оно мне надобно?.. Спать иди, говорю!

* * *

- И еще есть такая штука, охраняльщик от воров, репеллер, он как изин-излучатель, только наоборот: тревожит человека, который приходит в это место. Репеллер по ночам включают у ограды, когда порядочные люди дома сидят. А есть пугалки от насекомых и от животных. Ты правда ничего не слышала про такое? И про «умные часы», и про...

- Слышала байки, - равнодушно ответила Милка, аккуратно вплетая в венок цветки клевера, -

у нас раньше были такие, только потом мы поняли, что то нечистые вещи. Прадеды их нечисти и отдали. Домовые, лешие всякие – они бесова родня, им не страшно касаться таких негодных вещей. А мы о такое не желаем руки пачкать, – Милка сложила губы трубочкой, придирчиво осмотрела венки на вытянутой руке и старательно выговорила: – Мы живем природосообразно, вот.

Генка мотнул головой. Был он невыспавшийся и сердитый, такой сердитый, что с утра погнал на пригорок не только телят, а и коров с ними. Про домового он Милке не стал говорить – обещал же Кузьме. Но совсем уж промолчать не сумел и начал осторожненько поспрашивать: а что, если...

– Так если вы отдали всю технику нечисти, то нечисть теперь ею и пользуется, правильно?

Милка вздохнула, положила венки на колени и строго посмотрела на Генку.

– Это нечисти дело, а не наше. Домовые, лешие, банники всякие – они должны порядок держать в своей вот... вотчине. А как у них это получается – нам знать не надо. Наше дело – кормить их и почитать, ясно?

Генка фыркнул и лег на спину, прикрыл глаза.

– Ты что, рассердился?

Он мотнул головой.

Милка долго молчала, потом застенчиво спросила:

– Правда не сердись? Мы ведь друзья?

Генка задумался. Никогда в жизни у него не было друзей, не рекомендованных айдружилкой, и как без нее принять такое ответственное решение – он не знал. Правда, айдружилка тоже иногда промахивалась – вот Генке один раз в детском саду посоветовала дружить с одной мальчишкой, а тот был такой противный, все щеки в пятнах от аллергии. Как с таким общаться, а?

– Да, мы друзья, – наконец пробурчал Генка, просто чтобы Милку не обидеть. Но и сам тут же понял, что так правильно. Что они и впрямь друзья.

А кто же еще? Стал бы он для кого попать бродить в ночи среди пришельнической кукурузы? До сих пор дрожь пробирает, стоит вспомнить, как она шелестела.

– Дома-то сегодня все спокойно?

– Да, – Милка помолчала. – Я так боялась утром. Вдруг уроню что-нибудь или топну громко, и они снова начнут... А ты откуда знаешь-то?

Генка улыбнулся хитро, совсем по-дедовски, и не ответил. И как Милка ни допытывалась – тайны не выдал. Ведь он обещал Кузьме «не трепать языком», хотя чесался тот невыносимо. Генка не умел хранить секреты, потому что и секретов-то особых у него никогда не было. Какие тайны в его привычном мире, с вездесущими камерами, маячками в часах и адекватками?

А правильно ли утаивать что-то от Милки, раз они друзья? А Кузьма кто – ведь не друг же?

«Не тревожить попусту» домового Генка, конечно, не смог. По подоконнику не стучал, но подждал Кузьму в кухне почти каждый вечер. Смотрел, как ловко тот управляет с полезными дому гаджетами, иногда приносил домовому яблоки, таскал из буфета конфеты. Однажды Генка даже лазил по лестнице к чердачной двери и прятал за выступом репеллер от мышей, чтобы тот за день подзарядился на солнце.

Он допытывался у Кузьмы, откуда тот взялся, где живет, кто его родня, но ответы домового были уклончивы и непонятны Генке. Кузьма говорил, что «мы всегда тут были» и что «лешие и водяные мне дядьки», но про родителей ничего сказать не мог, только бессмысленно тарачил круглые черные глаза.

Иногда домовый включал фонарик на своих стареньких часах и в его свете учил Генку рисовать цветными палочками на белой бумаге и читать «книги» из сшитых желтых листов.

Рисовать было очень трудно, пальцы не слушались, и линии все уходили куда-то не туда, неровную линию нельзя было стереть, нажим регулировался плохо, вдобавок цветные палочки не умели ни текстурировать, ни делать заливку.

Читать «книги» тоже оказалось сложно. Буковки складывались в слова легко – все равно что сообщения в игровом чате. Но без говоридера было очень трудно различать книжных героев, и их голоса никак не хотели звучать в голове у Генки, и все происходящее в «книгах» так и оставалось набором буковок на желтоватой бумаге.

Но все-таки благодаря домовому Генка окончательно освоился с этим местом. Наученный Кузьмой, он даже несколько раз выбегал гулять с деревенскими мальчишками, но друзей среди них так и не завел.

А за два дня до конца каникул Генка с Милкой переполошили деревню, потерявшись в лесу. Дед к вечеру придремал с удочкой у озера, а подросший черно-белый теленок решил сбежать от стада в самостоятельную жизнь. Вслед за безрогим негодяем дети помчались в лес, но там теленок словно сквозь прелую листву провалился. Генка и Милка до самого заката блуждали среди дубов, взявшись за руки, то звали негодника-теленка, то пугливо умолкали, вглядываясь в подлесок.

В лесу пахло грибами и свежестью, по деревьям шустро бежали белки, в опавших листьях шуршало. Звуки разносились далеко-далеко, и детям казалось, будто за ними наблюдают из-за деревьев.

И все-таки сначала было не страшно, а даже почти весело, но когда они поняли, что не могут найти ни теленка, ни дорогу назад – перепугались, стали метаться и сбились с пути окончательно.

Вскоре верхушки дубов злое подсветило закатное солнце, по ногам пополз холодок, в чаще захрупало. Генка и Милка замерзли и устали, стерли ноги. Лица и руки были в мелких царапинах, волосы – в паутине. А лес казался таким огромным, нескончаемым и очень злым.

– Нас леший водит, – заявила в конце концов Милка, высвободила свою руку из Генкиной ладони, прислонилась спиной к стволу неохватного дуба и зажмурилась.

– Леший? – пробормотал Генка. – Дядька Кузьмы?

Милка стояла, крепко зажмурившись, терла ладошками щеки и бормотала:

– Дядюшка леший, дядюшка леший, выведи на тропинку... как там...

- Эй! - заорал Генка, и Милка испуганно открыла глаза, еще сильнее вжавшись спиной в ствол. - Леший! Где ты там? Отведи нас в деревню, пожалуйста! Холодно тут очень!

- Ему гостинец нужно дать, - пискнула Милка.

Генка порылся в карманах, ничего не нашел и пожал плечами. Что за безумие, леший даст детям затеряться в лесу только потому, что у детей не оказалось в кармане конфетки?

Генка рассердился. Он помнил, как они с отцом раз потерялись в посадке неподалеку от летнего лагеря, какой разнос отец учинил тамошним сотрудникам, как долго те извинялись и сколько бесплатных абонементов на аттракционы подарили Генке.

- Эй, леший! - снова заорал он, стараясь подражать уверенному голосу отца. - Леший! Что за бардак ты в лесу развел? Кто за порядком следить должен? Где тропинки, где указатели, где фонари? Почему нет диодов на бордюрах? Это возмутительно халатовое отношение к своим обязанностям!

Милка панически что-то пропищала, прижав ладони к щекам, но Генку уже было не остановить:

- Кто занимается матерчатым обеспечением этого места? Куда идут выделенные средства? В каких открытых источниках можно изучить ваши фаянсовые отчеты?

Когда дед и переполошенные им жители деревни выбежали к опушке с фонариками, навстречу им вышли Генка, Милка и черно-белый теленок. Милка плакала и смеялась, размазывая слезы по исцарапанному лицу. Генка все еще пыхтел от возмущения, и на щеках у него были красные пятна.

Позади маячил мрачный леший - тощее сплетение веток и сучьев с ярко-синим спортивным браслетом на руке. Взрослые с радостными криками бежали к детям, дед кричал что-то Генке, то обнимая его, то потрясая ивовой лозинкой. Черно-белый теленок бодал крутым лбом ноги Милкиной бабки.

Леший поглядел на все это из-за деревьев, отер холодные капли смолы со лба и ушел обратно в чащу, качая головой.

* * *

Когда родители приехали забрать Генку домой, он в первый момент даже растерялся. Стоял и таращился на мать, на отца и на ходомобиль, словно впервые их видел.

Родители всплескивали руками, и обнимали его, и причитали, что он похудел. А дед стоял в сторонке и усмехался в усы.

Когда растерянный Генка собрал свои вещи, ему торжественно вернули «умные часы», и Генке показалось, что он впервые видит знакомый с детства гаджет. Бледно-оранжевый плетеный ремешок выглядел странно и непривычно на загорелом запястье. Генка перевернул часы плоским экраном книзу и бочком выскользнул из дома. Увлеченные беседой родители маневра сына не заметили, а дед проводил внука лукавым взглядом из окна.

Когда Генка вернулся, уже без часов, родные ждали его у ходомобиля. Генка снова растерялся из-за того, что они так быстро уезжают, а он ни абрикосов напоследок не наелся, ни с коровьим стадом не попрощался. И даже не нырнул в озерцо на пастбище, которого месяц

назад боялся до смерти, потому что вода в нем была непрозрачная и без буйков.

Пробормотав «Я на минуточку», Генка побежал в дом. Выглянул в окошко, уверился, что никто не идет за ним следом, и заколотил кулаками по подоконнику.

Под столом затопотало, потом зашуршало – домовый ловко карабкался по скатерти.

- Уезжаешь, значит, – сказал он, усевшись на край стола.

- Уезжаю, – подтвердил Генка и вдруг понял, что ему грустно от этого. – Ты о бабушке позаботься, хорошо?

- Не учи ученого, – буркнул домовый, – я за вашим родом семь веков присматриваю, и еще столько же смотреть буду, и еще пять раз по столько же... Ой! – Кузьма всплеснул руками. – А часы-то! Часы куда дел, недотепа?!

- Милке отдал. Пусть развлекается, да и связь держать сможем по спутнику...

- Тьфу, – домовый хлопнул себя по коленке, – она ж выкинет их, дуручка! Лучше б мне отдал, недотепа ты недотепистая! Так хоть бы знал, за что тебе от мамки влетит! Влетит же! Чего ей скажешь – потерял?

- Правду скажу, – удивленно ответил Генка, – что другу подарил. Родители мне новые купят, наверное – ну, если уже не сердятся из-за того тельца, которого я выпустил. А если сердятся – похожу пока без часов. Я привык уже. Из-за тельца им здорово влетело, да и мне влетело, видишь, месяц меня видеть не хотели, тоже еще...

- Да при чем он, тельце какой-то, – домовый запустил обе ладони в свои спутанные косы и принялся яростно их чесать, – то ж дед твою мамку просил, чтоб тебя ему на каникулы свезли. Давно уже просил. Скучает он за тобой, дураком.

Генка от неожиданности аж рот раскрыл. И тут же почувствовал себя ужасно виноватым.

- Так я... Так я и будущим летом приеду! Я ж тогда...

- Иди уже отседа! – Кузьма рассердился и от этого стал окать еще заметней. – Чего орешь, услышит еще кто! Я тебя сколько просил не орать, а? Иди, говорю, отседа, баламут!

* * *

Будущим летом Генка в деревню не выбрался – что-то очень важное ему помешало. А вот дед, как и раньше, приехал в город ко дню рождения внука. При виде хитрой дедовской усмешки Генка почувствовал себя свиньей и твердо, окончательно решил: уж следующие-то каникулы он точно проведет в деревне!

И еще он очень хотел спросить деда про Милку, но не спросил. Потому что часы она выбросила, Генка это сразу понял.

В тот же день выбросила – в озерцо на пастбище, от греха подальше, и оттуда их тут же умыкнул водяной. Милкин домовый из-за этого страсть как осерчал. Это был очень старый, очень сварливый и злопамятный домовый, потому обиду свою накрепко запомнил. Долго-долго он пугал Милку большими сутулыми тенями на стенах, путал ей косы по ночам и униматься не хотел, как девочка его ни задабривала.

Успокоился он только через два года, когда утащил у Милки новые часы, что подарил ей Генка. А Милка даже обрадовалась: очень уж пугали ее эти старо-новомодные гаджеты.

Айнур Сибгатуллин

Джихад online

- Капитан Каримова, прошу войти в нейронет. - Голос ИИ в наушнике как всегда без малейших эмоций. И, как всегда, не вовремя. Прямо перед тем, как я собиралась лечь в капсулу секс-релаксации. Чертыхаясь, отстегиваю датчики и надеваю нейрошлем.

- ИИ-33006, капитан Каримова онлайн.

- Примите информацию.

Запускаю файл. Что тут у нас. Ага, понятно. Очередное исчезновение девушки. Ксения Шилова, двадцать лет, студентка юрфака Сколково-VII. Почти коллега, которой ей уже никогда не стать. За последние полгода семнадцать партнерств, включая однополые. Ну и вот оно. Два месяца назад записалась в сообщество секс-джихадисток. Посещения в Сети кибермечети. Видеообращение о принятии ислама месяц назад. Зачисление в кибермедресе. Новые друзья из Стамбула и Алеппо-II. И, наконец, исчезновение. Такое же загадочное, как и у всех других. Ну что ж, вот тебе, Лиза Каримова, еще один глухарь, поздравляю.

- Капитан Каримова, прошу изложить ваши версии.

Ага, версии, как же. С этим проблем нет. Версия все та же, как в файле от ИИ, только имя и адрес новые вставляй в файл да копируй. А ИИ для отчетности наверх и этого хватит. А вот мне придется еще для проформы смотаться домой к родителям этой дурочки. И цинично втирать о больших шансах найти ее.

- ИИ-33006, докладываю. Вербовка в секс-джихад. Похищение. Почерк преступника тот же, что и в других случаях. К выезду на место похищения готова, - чеканю фразы, как киборг. Сейчас быстро на аэроцикл, писать рапорт по шаблону. Несколько 3D-фото в дело. И, может быть, я успею обернуться за пару часов.

- Капитан, какова вероятность поимки преступника стандартными методами?

Пожимаю плечами. Сказать, что ли, правду? А вот и скажу.

- Ноль процентов.

- У вас есть предложения по нестандартным методам раскрытия?

- Ноль предложений.

Не, ну а чего? Если федералы делают ставку на ИИ, назначая их повсюду на руководящие посты от Москвы до Пекина, то пускай они сами и дают предложения, а не присваивают чужие.

- Капитан, найден сценарий, существенно повышающий процент раскрытия. Вы готовы рассмотреть его?

Готова, готова. Я всегда готова.

- Слушаю, ИИ-33006.

- В базе данных успешно раскрытых преступлений против личности часто упоминается вариант поимки преступника «на живца». Вы имеете информацию о таких случаях?

- В академии проходили.

- Есть предложение стать вам «живцом».

Опаньки. Зашибись предложеньице. Только это без меня, мои дорогие железные друзья.

- ИИ-33006, предложение отклонено, - мой голос немного дрожит.

- Капитан, прошу сообщить причины отклонения.

Причины. Опять, что ли, сказать правду? А ведь могу. Хотя нет, не сейчас. Мне еще нужно дождаться того дня, когда всех вас сдадут на металлолом.

- Параметры похищенных не совпадают с моими. Размер груди, цвет волос, уровень интеллекта.

- Отказ принят. Прошу продолжить расследование.

Выдыхаю с облегчением и включаю 3D-модельер одежды. Через секунду на мне обтягивающая кожаная униформа телесного цвета с двумя прозрачными чашечками, мягко сжимающими грудь. Оперативники вроде меня не обязаны соблюдать официальный дресс-код. Это пускай унылые тетки-прокурорши носят бесформенные мундиры. А мне еще, может, повезет, и я смогу найти партнера хотя бы на полгода. А может, и на год.

* * *

Дорога к жилищу пропавшей заняла полтора часа. Это, вообще-то, далековато даже по меркам Москвы-XI. Примерно пятьсот километров. Эх, а ведь были времена, когда Москва ютилась на клочке размером с Кипрский эмират. Наверное, хорошего в этом было мало. Помню, нас водили в школе на экскурсию в Москву-I. Кошмарище. Уродливые бетонные коробки.

Навигатор аэроцикла мигает. Приехали. Я приземляюсь на лужайке с фонтаном возле дома с башенками. Похоже на замок. Я такой же видела в Италии. Когда управляла беспилотником, прикрывая рейд наших морпехов. От замка, правда, уже почти ничего не осталось. Все-таки артобстрелы и ракетные удары. Но контуры один в один. Паркую аэроцикл у фонтана.

У входа в дом молодой полицейский преграждает путь.

- Простите, сюда пока нельзя.

Оглядываю молокососа. Симпатия. Ногти зеленого цвета. Губы перекачаны силиконом. Тычу ему в нос удостоверением.

- О, простите, капитан. Обычно ваши коллеги приходят в форме киберполиции, - парень опускает взгляд на мои груди, - ух ты, какая пластика! Где вам ее делали? А то я тоже...

- Мудак, они настоящие, - толкаю его плечом и вхожу в особняк.

Внутри толпятся полицейские, изображающие бурную деятельность. Так, кто тут у нас

главный? Ага, у камина спиной ко мне сидит женщина, ее плечи вздрагивают. Напротив нее седой мужчина в полицейской форме с погонами полковника. Поднимает взгляд на меня. Или на мои груди. Включаю камеру в нейрошлеме и запускаю поиск его фото в базе партнерств.

- Капитан Каримова, киберполиция, - показываю удостоверение, - мне нужно осмотреть комнату пропавшей. И получить доступ к ее компьютеру.

- Полковник Трофимов. Спецотдел, - отвечает седой и протягивает флешку, - это копия всех файлов пропавшей.

Женщина обращивается ко мне.

- Я провожу вас, пойдете.

Мы проходим вверх по лестнице, отделанной черным деревом. Мягкие ковры приглушают шаги, когда мы идем по длинным коридорам.

Наконец мы входим в огромную спальню. В помещении пахнет гарью. Посреди комнаты огромная кровать с водяным матрасом. На стенах - стереокартинки, изображающие совокупающихся животных.

- Ксения у нас очень необычная девочка, в школе увлекалась биологией, хотела стать ветеринаром, но мы с папой отговорили, - женщина вздохнула, - думали, что ей лучше подойдет ювенальная юстиция. Вы же знаете, какой там нужен характер.

Подхожу к компьютеру, точнее к тому, что от него осталось. Делаю несколько снимков.

Мать садится в кресло и обхватывает голову руками.

- И чего ей не хватало? Мы с отцом обеспечили ее всем. У нее было три спортивные машины, яхта, гидроплан, мы наняли ей лучшего инструктора по сексу, мы...

- Она что-нибудь рассказывала вам о своих новых друзьях из Халифата?

- Ксюша в последнее время с нами вообще не разговаривала. Так уже было один раз, когда она в пятнадцать лет узнала, из какой кошмарной семьи нам пришлось ее изъять.

- А кто ее настоящие родители?

Дама вздыхает и вытирает глаза ладонью.

- Они были родом откуда-то из-под Бишкека. Бежали из Халифата, а здесь связались с дурной компанией, стали воровать, ну и сами понимаете, куда их потом. Я бы, конечно, удочерила кого-нибудь не из тех краев, но вы же сами знаете, как у нас тут напряжно с рождаемостью.

- Когда она исчезла?

- Сегодня. Сразу после ужина. Она закрылась в своей комнате. А за час до этого распечатала на 3D-принтере эту самую одежду, ну, которую они все носят там у себя...

- Хиджаб?

- Похожее слово, но другое вроде...

- Никаб?
- Точно. И еще 3D-коврик для молитв.
- И что было дальше?
- В доме выключился свет. А потом, когда я хотела зайти к ней в комнату, Ксюша не отвечала и не открывала. Я испугалась, мы вскрыли дверь, а там... Компьютер расплавился, а нашей Ксюши уже не было. Окно было закрыто изнутри, на записях с камер видно, что никто не покидал дома.

Знакомая картина, все сходится. Что ж, пора закругляться.

- Скажите, вы ведь найдете ее? Нам сказали, что вы лучший сыщик в киберполиции.

Начинается...

- Мы приложим все усилия.

Собираю аппаратуру и иду к двери. Поступил ответ из базы партнерств. Вывожу изображение на стекло шлема. Полковник Трофимов, 40 лет. Регистрация последнего партнерства год назад. Среднее количество партнеров в год- полтора. Строго гетеро. Интересный случай. И откуда он такой взялся? Из музея, что ли? Или импотент?

- Спасибо, не провожайте, дорогу я знаю. До свидания!

* * *

- Значит, вы категорически отказываетесь, капитан?

- Можете звать меня Лиза. - Мы сидим в вертолете полковника и пьем кофе. Внезапно выяснилось, что мой аэроцикл сломался, и мне пришлось обратиться за помощью. Которая тут же была оказана путем личной доставки меня в сторону дома.

- Ваш ИИ сообщил моему ИИ об отказе. Я вас понимаю, конечно, это ваше право. Но неужели вам бы не хотелось поймать похитителя?

- Я, конечно, хочу поймать этого уroda. Или, скорее, уродов. Хотя, если честно, эти уроды забирают тех, кого вообще абсолютно не жалко. И отправляют их туда, где им самое место.

- Это вы про халифат? Но ведь они же звери, Лиза! Которые прикрываются Исламом только для того, чтобы воровать людей и использовать их на разные nepoтpeбcтвa. - Трофимов стукнул кулаком в иллюминатор.

- Полковник...

- Можно просто Николай.

- Вы помните, сколько лет существует Халифат?

- В этом году будет сто пятнадцать.

- Вот именно, что будет. А сколько лет Дикому полю?

- Примерно столько же. Если считать с момента отделения Кривдонбасса.
- И вы хотите сказать, что мы, вместе с индийцами и китайцами, не могли бы их зачистить за месяц максимум?
- За неделю, если американцы подтянутся. Но, капитан... Лиза, наши либерасты сразу подымут хай про международное право и...
- Ладно, к черту либерастов, полковник. Вы все так же настаиваете, чтобы я была наживкой?
- Не настаиваю, а прошу, Лиза.

Встаю с кресла и нажимаю кнопку на комбине зоне. Одежда бесшумно соскальзывает на пол. Провожу пальцем по его губам.

- Что ж, тогда нам нужно обсудить детали операции, полковник...

* * *

Когда-то я сутками висела в 3D-чатах. Мне было очень интересно общаться до, во время и после киберсекса с людьми обоих полов и всех цветов кожи. Утром я могла быть с зулусом из Йоханнесбурга, после обеда - с японской школьницей, а вечером - с семейной парой из Швеции. Я узнавала через них мир. Наверное, это были самые важные уроки в моей жизни.

Теперь же мне нужно вписаться в 3D-чаты совсем другого рода. Никакого киберсекса. Это вообще как? По крайней мере, так указывали в правилах доступа админы сообществ. Даже секс-джихадисты декларировали, что девушкам нужно быть полностью закрытыми, никаких откровенных фоток и домашнего порно. Правда, эти же самые товарищи почему-то предпочитали обращать в киберислам девушек ультралегкого поведения, успев вдоволь наглядеться на их доморощенную порнушку.

Я выложила парочку забойных стереофото в стиле ню. А фото в профиле - в закрытом платье. И сразу подала заявку в парочку киберсообществ, где были зарегистрированы пропавшие девушки. Буквально через минуту заявку одобрили. Я получила приглашения дружбы от целой толпы бородачей в арафатках. Кого тут только не было. Турки, арабы, афганцы, албанцы, нигерийцы и европейцы. Был даже один исландец по имени Абдулла.

Ладно, сыграем. Принимаю их всех в друзья и начинаю с ними трепаться. Первый чат с турком. Надеваю нейрошлем.

- Салам, сестра!
- Салам, брат!
- Ты решила встать на путь истинной веры?

Так, теперь главное - не переборщить.

- Я еще думаю. Слишком много грехов на мне, может, уже поздно?

Турок цокает языком.

- Аллах милостив, надеюсь, ты уже записалась в кибермечеть истинного халифа?

- Ой, мне прислали оттуда только что приглашение...

- Через полчаса наш имам начнет проповедь. Заходи в сообщество, сестра, и оденься, как положено истинной мусульманке.

- Ой, я даже еще ничего не читала и молитв не знаю...

- Сестра, это не важно. Просто залогинься и послушай имама! Каждый, кто услышал его проповедь хотя бы один раз, сразу вставал на путь киберислама!

Киваю головой и выхожу оффлайн. Отсылаю запись ИИ и копию Трофимову. Пускай тоже поволнуется. Как-никак я теперь его партнер. Странный он. Сразу предложил мне контракт на партнерство на неопределенный срок. Я о таком даже и не слышала никогда. Про венчание какое-то стал разговоры заводить. Ладно, пора мне в кибермечеть. Распечатываю на принтере хиджаб. Надеваю шлем и вхожу в 3D-чат.

Стереоизображение мечети изнутри похоже на локацию одной восточной игровой вселенной. Кажется, она называлась «Аладдин». Только здесь нет чудовищ и монстров. Но орнаменты один в один. По ходу админы кибермечети сперли дизайн игры. Надо бы потом натравить на них интеллект-полицию. Чтоб за нарушение авторских прав обеспечили им всем гарантированное пожизненное. Ну а мне - приличное количество кредиток в качестве премии.

Раньше многие мусульмане предпочитали ходить в обычные мечети. А теперь мечетей на всех не хватает, люди стали предпочитать кибермечети. Разницы почти никакой. В кибермечети даже интереснее - можно реализовать спецэффекты почти на уровне Голливуда. Да и удобнее намного - не нужно никуда мотаться, надевай нейрошлем и вставай на 3D-коврик.

Оглядываюсь по сторонам. Рядом виртуализуются голограммы женщин в мусульманских платьях. Судя по поведению, многие молоденькие девушки тут впервые, как и я. Сажусь в уголке рядом с бабкой в небрежно повязанном платке. Она смотрит на меня поверх очков и говорит:

- Первый раз, кызым?

- Первый, матушка, то есть, бабушка.

- Не матушка. И не бабушка. Зови мне Бибинур-апа. Мне тут все знают. И я всех знаю. Ты откуда такая? Работаешь? Замуж хочешь?

- Работаю я, Бибинур-ата. Замуж сильно хочу.

- Не ата. Апа, - крякнула бабка, - так где ты, говоришь, работаешь, э?

- Я программист. Компьютеры ремонтирую, нейросети протаскиваю.

- Э, что за работа для такой красивой кызым? Тебе дома сидеть надо, детей рожать и для мужа танцевать танец живота. Умеешь, э?

- Я только у шеста умею танцевать, апа. Стриптиз еще могу обычный.

- Э, стриптиз-миптиз, какуй разница. Главное, чтоб муж сытый-довольный бил!

Интересные у нее понятия. Я думала, такие типажи теперь только в сказках встречаются. И

откуда она онлайн выходит? Из леса, что ли? Шлю запрос на центральный сервер. До начала молитвы еще несколько минут. Чтобы запинговать бабку, нужно еще стандартно две минуты по протоколу.

- Апа, а ты что, брачный агент?

- Сама ты ахент. Мин сваха мусульманская. Знаешь, сколь девушек я замуж пристроила, э? Все они сейчас живут как шахини и пиризиденши! А ты, кызым, светлый волос, да? Грудь какуй размер? Ты мне скажи, мне жинихам про тебя рассказать нужно а то.

- Ага, блондинка я, апа. Сиськи третий размер.

- Э, тиретий размер, кызым, тебе срочный замуж нужно!

Сервер возвращает запрос. Айпишник бабки откуда-то из-под Казани. Сектор Кырлай.

- Кызым, так ти сильно замуж хочешь?

- Сильно, апа, очень сильно!

- Тогда вот, возьми, кызым, - бабка достает из своих шаровар сверкающий предмет, похожий на расческу.

- Что это, апа?

- Гиребень волшебный. Ты кнопка нажми, чтоб тебе в рук попал. А потом волос расчеши. И жених тебе сразу появится!

Включаю анализатор. Гребень из категории виртуальных подарков пользователей, одобрен администрацией Сети. Пожимаю плечами и принимаю подарок.

Перед глазами вспыхивает яркий свет, меня вышвыривает из чата. Я переворачиваюсь верх ногами. Потом падаю, проваливаюсь сквозь уровни кибермечети, снова взлетаю, ввинчиваясь в воздух - и теряю сознание.

* * *

- Э, кызым, как ти? Живой ма? - Голос бабки скрипит над головой. Открываю глаза в каком-то подвале. Руки связаны. Вот же, мать вашу, это что за...

- Кызым, ти не бойся. Я больше кров не пью, сердце из грудь не доставай. Я тебя, как обещаю, замуж отдавай.

- Ты кто, бабка, а? - подаю голос. - Ты чего вообще? Где я?

- Я не бабка, кызым. У вас, уруслар, мне Баба Яга звать, а у татарлар - Убыр.

Пытаюсь развязаться, но узлы только сильнее впиваются в руки.

- Я тебе замуж отдавать. Один очень хороший человек! Спасиб потом сама скажешь! Я ему твой фото уже отправил. Сикоро тебя забрать придет. Самой любимой женой будешь!

Надо выиграть время. То, что меня убивать не будут, уже хорошо. И я нахожусь не в халифате, а в России. Хотя это странно. Бабка-то ни хрена не мусульманка. Шаманит через чат. Неужели

она и есть похитительница всех девушек? Что-то не сходится.

- Апа, а я же это, не просто замуж хочу. Мне в халифат надо. И вообще, я мусульманкой стать хочу, мне в джихад к братьям..

- Эээ, кызым, - Убыр всплескивает руками, - ти что, сапсим глупий, да? Ты знаешь, что там с тобой делай? Я тебя нормальный муж найти, а там толпа шайтанов тибя - ииих, с утра до ночь, и...

Договорить бабка не успела. Яркая вспышка ослепила нас. Раздался хлопок, как от шумовой гранаты. Подвал заволокло дымом. Неужели Трофимов нашел меня и сейчас спецназ начнет штурм? Я сгруппировалась и попробовала отползти в сторону. Открываю глаза. В воздухе перед нами в столбе огня виден мужской силуэт. Средних лет, небольшая борода, одет в зеленую рубашку, твидовый пиджак и джинсы, только мусульманская шапочка чуть старомодна.

- Убыр, ты опять за свое взялась? - Голос звучит нарочито медленно. - Эта девушка шла совсем не к тебе.

- Э, к тебе, к мне, какуй разница? Вон, в мечети сколько девушек, любой вибирайма. Ти, тем болей, имам, хуч и джинн.

- Да, я джинн. И я могу выбрать любую. Но только ту, кто сама этого захочет. Как она, например. А ты, старая карга, решила украсть чужое.

- Иии, ну и прости миня, - залебезила Убыр, - совсем я старый стал. Совсем память нет.

- Сжег бы я тебя заживо, Убыр, - джинн увеличился в размерах и, казалось, заполнил собой весь подвал, - но пока прощаю. Нам скоро потребуются твои услуги. Особенно в Казани. А девушку я забираю с собой. Она хотела попасть к нам сама, братья уже заждались. Да сбудется ее мечта!

* * *

- Пятьдесят тысяч долларов, раз! Пятьдесят тысяч долларов, два!

- Пятьдесят пять!

- О, господин из первого ряда, отличный выбор! - Голос аукциониста в динамике бьет по ушам. - Такая девушка станет украшением любого гарема! А посмотрите на нее сзади! - Он разворачивает меня спиной к залу и нагибает головой вниз.

- Шестьдесят!

- Семьдесят!

- Сто тысяч!

Я пытаюсь закричать, но не могу. Я стою голая на сцене разрушенного древнего амфитеатра. В зале сидят боевики, обвешанные оружием, и голограммы перекупщиков. Нервно вздрагивающие, когда очередной обкуренный шахид начинает шмалять из автомата очередями вверх. Торги в разгаре. До меня уже продали с десятков девушек. Тех, что подешевле, купили на органы и в полевые публичные дома в горах. Меня оставили на десерт.

- Сто тысяч долларов раз, сто тысяч долларов два, сто тысяч... гяурских долларов... три! Машаллах! Господин из первого ряда, достопочтенный шейх Хабиб ибн Абдурахман Аль-Булгари приобрел новое украшение для своего гарема! Наш самый почетный клиент! Господин, если пожелаете, мы сделаем скидку на обрезание вашей новой наложницы!

Из первого ряда подымается, кряхтя, толстогубый лысый боров. Так вот почему так дико кричали во дворе проданные девушки. Ну, уж нет. Я делаю шаг в сторону аукциониста. В руках у него пульт управления беспилотником, транслирующим торги в Сеть. Ребром ладони бью в кадык. Срываю с его головы нейрошлем, выхватываю пульт и бегу. Выбегаю в лагерь боевиков. При виде голой девки, несущейся почти на скорости аэроцикла, у них отвисают челюсти. Забегаю в один из шатров. Так, теперь займемся вами, шейхи и прочие упыри. Выхожу в Сеть по закрытому каналу и вызываю полковника. Тот сразу откликается, в окошке чата вижу его встревоженное лицо:

- Лиза, ты где? Ты в порядке? Немедленно сообщи координаты!

- Ага, в порядке, я в таком порядке, мать твою! Я где-то в халифате...

- Мы вытащим тебя! Укройся где-нибудь, борт с морпехами вылетит с нашей базы в Алеппо через десять минут!

- Полковник, сюда хоть десять вертушек пошлете - собьют всех! Не надо сюда никого слать! Пока просто пробей координаты! А я попробую куда-нибудь заныкаться. А еще я им устрою тут киберсекс по полной программе - у меня тут, по ходу, доступ к их беспилотникам! Все, полковник, конец связи! И, если что, знай, я бы согласилась быть твоим партнером на...

Экран гаснет. Связь оборвана. Ладно, сейчас начнется потеха. Вхожу в Сеть джихадистов. Качаю вирусы и заражаю ими центр управления боевыми роботами. Так, а это что у нас? Ага, беспилотники. Нате, гаденыши, получайте. Перехватываю управление. Так, эту парочку направим на заправку, еще парочку - на склад боеприпасов. А этот, с пулеметом - прямиком на аукцион, перебить их всех на хрен.

Хочу нажать кнопку, чтобы послать ракеты, и... не могу пошевелиться. Перед глазами возникает зеленоватая пелена, начинают болеть виски, отрубаясь...

* * *

- Что ж ты сразу не сказала, сестра, что хочешь стать воином киберджихада?

Пожимаю плечами. Мы сидим на ковре в шатре командира отряда джиннов. Передо мной изысканные блюда, фрукты, вино. Джинн по имени Аждар щелкает пальцами - и кувшин подлетает к моей пиале и наливает вина. Я уже перестала удивляться. Вначале полет через нейросеть. Потом бабка ежка, теперь этот джинн, ни фиги не похожий на сказочного. Не из огня, обычный человек, только очень сильно накачанный, судя по мускулатуре, заметной через одежду.

- Я же не знала, что меня сразу станут продавать, как... и я не хотела раньше времени привлекать внимание спецслужб.

- Таких шлюх, которые сюда рвутся, как... в общем, или в гарем, или... - Джинн затягивается из кальяна. - Ты - другое дело. У тебя, кроме твоих прекрасных округлостей, есть еще и мозги.

Ага, мозги. Были бы у меня мозги, я бы ни за что на свете не ввязалась в эту авантюру. Каким

местом я думала? Хотя авантюра на самом деле началась много лет тому назад, когда я стала хакером. И взломала на спор сервак киберполиции. Куда потом и пришлось идти на службу, чтобы не загреметь в лагерь.

- Аждар, ты давно здесь? Ну, воюешь с неверными за халифат?

- За халифат? Ха-ха, я воюю сам за себя. А халифат – это только красивая вывеска. Бренд, на который клюют озабоченные шлюшки и простофили. Мы здесь делом заняты. Наркотики, оружие, антиквариат. Халифат – это огромная корпорация, где крутятся нехилые деньги. Ну а наш отряд отвечает за киберсети. Все порносерверы и подпольные казино платят нам деньги. И нам очень нужны такие хакеры, как ты. Мы, джинны, не особо разбираемся в технологиях. И мы не настолько могучи, как нас показывают. А наша магия часто только вредит, мы сожгли столько серверов.

- Так что, киберджихад тоже...

- Не, киберджихад – это серьезно, сестра. Это серьезные деньги. Мы воюем с неверными по-настоящему. Ну, в смысле в нейросети. За это нам шейхи платят больше всего. Только мы занимаемся войной в свободное от основного бизнеса время. А на поле боя идут подростки и наркоманы, и еще иногда фанатики. Которым мы показываем свои магические способности. А тебе я не буду вливать в уши всякую ерунду. Мы будем платить такие деньги, какие тебе и не снились в твоей фирмешке, где ты корпела за гроши.

- А кровавые массовые казни? С огнеметами и...

- Казни? Нам их монтируют в голливудских студиях за очень приличные деньги. Они же продвигают ролики в сетях.

- А халиф?

- А что халиф? А, ну он, конечно, всем управляет. Его доля – половина.

- Он тоже джинн?

- Джинн, джинн. Очень древний и старый джинн. Но очень хорошо соображает во всем, что касается науки и технологий. Мы ведь, джинны, очень любопытны до всего. А когда появился нейронет, вообще оттуда не вылезает. Если раньше, чтобы облететь вокруг земного шара, мне нужно было четыре дня, то теперь, по Сети, я могу проскочить за полсекунды!

Аждар пускает дым из носа красивыми фигурками зверей и птиц. Я подвигаюсь к нему ближе.

- Я бы хотела с ним познакомиться. Это возможно?

Джинн усмехается.

- Для начала мы должны проверить тебя в деле. Иди пока поспи.

Джинн щелкает пальцами. В шатер вбегает женщина в парандже.

- Гюльнара, размести ее в моем гареме. В полночь разбудишь и приведешь ко мне.

* * *

- Лиза - гяурское имя, сестра! Тебе срочно нужно к имаму, чтобы он тебе дал нормальное, мусульманское! - Гюльнара протягивает мне изящное кружевное белье зеленого цвета. - Примерь-ка это! Последняя коллекция, только вчера из Парижа! Но сначала - в хаммам!

Так, что это за проверка такая? Джинн же вроде сам говорил, что я ему нужна как хакер, или, может, он запал на меня? Он, конечно, мужик секси, не то что шейх, которому меня изначально продали. Но, мать его, я сюда не этим приехала.

- Зачем мне белье и баня? - спрашиваю без обиняков девушку. Та хитро улыбается.

- Ты не думай ничего такого. Аждар не такой джинн, как другие. Потому он и командир отряда. Когда он захочет сделать тебя своей наложницей, ты сама к нему побежишь. Сейчас он просто хочет настроение создать, перед тем, что тебя ждет на пути киберджихада.

- Кружевное белье?

- Ага, и процедуры спа после хаммама. Давай примерь и в баню айда.

Через полтора часа я в шикарном платье, в дорогом белье, в макияже возвращаюсь в гарем. На меня собрались посмотреть все его обитательницы, коих оказалось у Аждара двадцать с лишком. В основном, блондинки с грудью пятого размера. Все как фотомодели с обложки модных журналов. Замечаю среди них знакомое лицо. Опаньки, пропавшая Ксения. Приветливо ей улыбаюсь.

- Ты русская, поди? - решаю не терять времени и беру быка за рога. - По дому не скучаешь?

Девушка усмехается:

- По дому? Теперь здесь мой дом! Я познала свет истинной веры, а главное - обрела счастье моей жизни в служении моему господину! С ним я познала такие... такие... чувства...

Да уж, и ради такой овцы я рисковала жизнью.

Мы проходим в шатер джинна. На мне алый хиджаб, арабский макияж, под хиджабом - кружевные трусики и чулки. На руках сурьма. На ногах туфли на высокой шпильке.

- Салам, сестра, - приветствует Аждар.

- Салам, брат.

Ого, на кушетке перед джинном стоит суперкомпьютер последней модели для военных. Мечта любого хакера.

- Садись, сестра, - Аждар прихлебывает из бокала, - мне только что привезли братья, взяли со сбитого гяурского вертолета. Американцы в последнее время слишком много стали на себя брать, нарушать наши договоренности. Пришло время напомнить, кто заказывает музыку. Я надеюсь, ты взломаешь его так же легко, как нашу Сеть.

Усмехаюсь и начинаю стучать пальцами по клавиатуре. Так, что тут у нас... И где вас учат такие пароли ставить, в школе для умственно отсталых, что ли?

- Готово, - разворачиваю компьютер монитором к Аждару.

- Иблис тебя топтал! - выдыхает Джинн из кальяна густой дым. - Доступ к беспилотникам!

- Я прошла проверку?

Джинн усмехается.

- Почти. Осталась самая малость. Найди-ка на карте их полевой госпиталь.

Щелкаю джойстиком и поворачиваю монитор обратно. Одновременно захожу с закрытый чат с полковником. Вырубаю звук и изображение, перехожу в текстовой чат.

- Вот, ближайший - в сотне километров под Тибруком.

- Сколько там сейчас людей?

- Три тысячи вместе с медперсоналом.

- Отлично. Тогда убей их всех.

Поднимаю взгляд. Джинн отставляет бокал в сторону и смотрит мне в глаза.

- Ты ведь хотела киберджихад? Ха-ха. В общем, за голову каждого американца полагается по тысяче американских долларов от шейхов. Половина халифу. Тебе для начала сто тысяч. Давай приступай. Ах да, чуть не забыл. Когда будешь направлять ракеты на госпиталь, не забудь закричать погромче: «Аллах акбар!» Поняла? Мне нужно записать видео. А потом мы с тобой отметим дельце, ха-ха.

Я киваю. Три тысячи жизней. Полковник, когда же ты меня вытащишь отсюда? На такие вещи я не подписывалась, мать твою. Ну, давай же, Трофимов. Сообщаю в текстовом чате расклад с госпиталем, он еще может эвакуировать людей и включить защиту противоракетную. Полковник отвечает.

- Лиза, ИИ связался с американским военным киберштабом. Тамошние ИИ посоветались и... запретили эвакуировать госпиталь и сбивать беспилотники, когда узнали, как близко ты подобралась к их верхушке! Тебе же обещана встреча с халифом?

- Полковник, но это же живые люди, твою же мать!

- Капитан, это приказ. Они тоже солдаты и знали, на что подписались, когда шли на службу дяди Сэма. А потом, рассказать тебе, сколько стариков, женщин и детей они убили и сожгли лазерами заживо? Здесь нет невинных и безгрешных, Лиза, каждый из нас в чем-то замазан. Но мы воюем за правое дело, и если ты доберешься до их главного ублюдка, ты сможешь закончить войну! Тебе придется пойти на все, что тебе предложат. Даже если заставят вступить в партнерство с...

- Пошел ты к черту, полковник, мать твою!

Джинн пристально смотрит на меня. Я сворачиваю окно чата.

- Как дела, сестра? Есть проблемы?

- Никаких проблем. - Задаю координаты беспилотникам и отключаю систему защиты госпиталя с воздуха. - Абсолютно никаких.

* * *

- Миллиард просмотров! Один миллиард просмотров уничтожения американского госпиталя за три дня! - Аждар летал по всему шатру в каком-то безумном танце. - Даже если бы голливудщики ничего не сделали - да, теперь ты мегазвезда нейронета. А продажи алых хиджабов через 3D-принтеры принесли мне почти такой же доход, как денежный перевод от шейхов! Тебе и не снилась в своей России такая слава!

Да уж, это точно. Не снилось и не мерещилось. Теперь мое имя и лицо известно всему миру. Президент США отдал приказ убить меня, за мою голову назначена награда в сто миллионов долларов. А главное, никому ничего не объяснишь. И на душе так погано. Суки. Я убила три тысячи мужчин и женщин. Там было еще около сотни детей. Я последняя сволочь. Суки. Суки все, и Аждар, и джихадисты, и полковник, и ИИ, и все, все! А главное - все это во имя чего?

- Так, значит, я прошла проверку, Аждар?

Джинн усмехается.

- Почти, сестра моя, почти. Теперь у тебя нет пути назад. Но это была, так, разминка перед настоящей проверкой. Вот пройдешь ее - и тогда ты предстанешь перед халифом.

Джинн приземляется рядом со мной.

- А теперь слушай сюда. Пришло время разобраться и с Россией. Я хочу нанести удар прямо в самое ее сердце. Ты не бывала в Казани?

- Не доводилось.

- Там есть огромный пороховой завод. Прямо в центре города с населением девять миллионов человек. Большинство из них мусульмане, которые не признают власть халифа. Что ж, пришла пора преподать им урок. Тебе нужно взломать Сеть завода и устроить там большой взрыв. Поскольку завод частично использует оборудование, не подключенное к Сети и вообще к компьютерам, тебе потребуется помощь местной ведьмы - Убыр, кажется, вы с ней знакомы?

Хмыкаю:

- Еще как. Замуж меня хотела выдать, дура старая.

- В общем, вот ее координаты, планируй операцию. Халиф ждет от меня только хорошие новости, так что не подведи меня!

Час от часу не легче. С этой Убырихой людей убивать. А эта овца, ради которой я ввязалась во все это дерьмо, тем временем будет в гареме отрываться. С этим что-то надо делать. Для начала надо вырубить Аждара хотя бы на полчаса...

- Аждарчик, ты, кажется, говорил что-то про то, как мы отметим мое первое дело? - подхожу к джинну и сажусь к нему на колени. - Так это правда, что у джиннов...

* * *

- Э, кызым, ты как мене нашел? - Убыр взмахивает руками. В окне чата видно, что она готовит какую-то дрянь в 3D-принтере.

- Долго объяснять, апа. Слушай сюда. Я не в гареме сижу, я, твою мать, на джинна Аждара работаю, слыхала про такого?

- Э, как не слыхай. Злой он, любит убивать через Интернет много, девушек красть. Мне обижать. И, кызым, так ты тож, штули...
- Вот именно, апа, я теперь с ним заодно. Мне приказано с тобой вместе очень много людей убить. Я буду сети компьютерные взламывать, а ты своей магией помогать в реальности. Прямо в Казани. А если откажешься...
- И, кызым, я теперь убивать сапсим не умею! Мин только девушек похищать и замуж выдавать. Ни хочу я убивать, и ты, кызым, тож не убивай, плох это!
- Короче, апа, мне вместе с тобой велено пороховой завод взорвать. И заодно всю Казань к шайтановой бабушке отправить.
- Э, как отправить? А как же татарлар? Эта только здесь мне детей пугают, сказки всякий, мой имя книжки писать, ресторан называть. Татарлар ведь все теперь Казан живут, и все тут погибать, штули?
- Однозначно, апа, тут им сейчас настанет полный кирдык. И не только татарам, - я оглядываюсь на посапывающего джинна, - апа, времени нет. Я вот что придумала. Давай никого убивать не будем, а вместо настоящего взрыва ты своей магией ненастоящий взрыв завода изобразишь. Я его сниму на видео и джинну отправлю.
- И если он узнай, то меня и тебя убивай, э? Давай я тебе бежать помогу, и мы...
- Джинн тогда другим даст поручение, и люди все равно погибнут. Так мы их не спасем, апа. Нам нужно покончить со всем этим. Я обещаю, что придумаю, как. А пока мне нужно время потянуть, поняла? Ну, чтобы меня с их главным познакомили. А там я уж с ним как-нибудь разберусь.
- Ладно, кызым, мин тебе помогать будет, - Убыр потирает руки и начинает произносить заклинания. Я включаю запись онлайн камер со всего города. Набираю Трофимова.
- Полковник, это я.
- Трофимов выглядит осунувшимся, будто не спал несколько ночей.
- Лиза, ну наконец-то! У тебя все в порядке? Как ты смогла усыпить джинна?
- Усмехаюсь про себя.
- Тебе об этом лучше не знать. Мне вот что нужно. Сейчас скину файл с записью взрыва порохового завода в Казани, от которого должны погибнуть девять миллионов человек.
- Какого взрыва? Когда?
- Успокойся, взрыв не настоящий. Его одна ведьма татарская наколдует, запись мне скинет, а ты должен обеспечить дезу по Сети и через журналюг, что город уничтожен полностью.
- Лиза, я все сделаю. Я еще хочу тебе сказать...
- Джинн начинает просыпаться.
- После, полковник. Конец связи.

* * *

Никогда не думала, что моя прелестная мордашка в обрамлении алого хиджаба станет когда-нибудь ассоциироваться с грозным обликом самой известной террористки за всю историю человечества. Девять миллионов погибших. Девять. Именно такую цифру озвучивали все каналы. Полковник вместе с нашими и заокеанскими ИИ сработали на славу. Снятые ими ролики заполнили Сеть. А магические заклятия, наложенные Убыр на город, создавали полную иллюзию его исчезновения с лица земли. Зрелище было настолько реальным, что я порой сама начинала сомневаться, что все это лишь иллюзия.

Как бы то ни было, Аждар сдержал свое обещание, и мы вместе с ним сейчас шли к дверям в главные покои халифа. Его огромный подземный дворец в горах Синджара простирался на многие десятки километров под землей. Мы проехали их на магнитоplane. Аждар сказал, что джинны ленивы и при любой возможности используют последние технологии, чтобы поменьше напрягаться и не летать под землей на коврах с риском набить шишки.

И вот мы у входа, который охраняют два огромных ифрита, дышащие огнем. Они распахивают перед нами двери, и мы видим зал, сверкающий золотом и изумрудами. Аждар делает шаг вперед и упирается в копьё стражника. Ифрит качает головой и показывает знаками, что внутрь могу пройти только я. Аждар скрипит зубами и, кланяясь, исчезает. Стражники закрывают за мной дверь.

- Подойди ближе.

Склонив голову, мелкими шажками двигаюсь в сторону голоса. Вижу золотые ступени. Трон халифа.

- Мы рады приветствовать тебя в нашем дворце. Присядь возле нас и расскажи, как тебе удалось так легко уничтожить столько неверных. Девять миллионов кяфиров, не так ли?

Поднимаю взгляд. Передо мной на троне мужчина в синем деловом костюме. На вид не больше тридцати. Темные волосы и жгучие черные глаза. Он крутит в руках древнюю головоломку - кубик с крутящимися цветными гранями. Возле трона два нейрокompьютера. На экране одного по новостному каналу показывают взрыв Казани. На другом отображаются котировки акций с мировых фондовых рынков.

Я откашливаюсь.

- Повелитель, для меня честь служить вам и бороться вместе с другими братьями против неверных. Я не могла подвести вас! И я...

Джинн останавливает меня жестом руки.

- Знаю, знаю. Аждар доложил мне, какая ты старательная. И как ты хотела предстать передо мной. И что ты суперхакер, который под видом дурочки, жаждущей поучаствовать в секс-джихаде, пыталась выйти на нас через нейронет, чтобы предложить свои услуги. Это было, конечно, слишком рискованно с твоей стороны.

Начинаю придумывать на ходу.

- Оставаться в России было еще более рискованно. Тамошняя киберполиция уже дышала мне в затылок. А еще американцы искали меня за взломы банковских серваков. Китайцы с индийцами тоже вышли на моих поделельников, и те сдали меня под пытками.

- Да-да, я слышал об этом. Только ведь это было очень давно? Где-то примерно лет семь тому назад? Тогда все обстояло именно так, как ты рассказываешь. С одной-единственной поправкой - когда тебя обложили, ты загадочно исчезла. А потом вдруг неожиданно воскресла и сразу прибежала к нам.

Ого, откуда он знает такие подробности, шайтан его задери?

- Повелитель, я все эти годы пряталась. Подрабатывала программистом, нигде не светила.

- Да-да, это все звучит весьма и весьма правдоподобно. Как и твой хакинг в Казани. Ты ведь там не одна работала?

- Мне помогала местная ведьма. Без нее я бы не смогла выполнить ваш приказ, повелитель.

- О да, безусловно, не смогла бы. Ты не находишь, что эта почтенная пожилая женщина также заслуживает награды?

- Заслуживает, повелитель!

- Прекрасно, - джинн шелкает пальцами. Передо мной начинает виться легкий зеленоватый дымок, что-то с глухим стуком падает сверху и катится к моим ногам. Я всматриваюсь и отшатываюсь. Это отрезанная голова Убыр. Выпученные глаза полны ужаса. Язык вывалился из-за рта. Из обрубка шеи сочится кровь.

- Мы еще долго бы не знали о твоём потрясающем обмане, если бы не наш агент в русских спецслужбах. Если бы он не рассказал о твоём предательстве, вряд ли бы я захотел тебя увидеть. Но мне было интересно посмотреть на тебя, прежде чем отправить в ад. Кстати, тебе там понравится. Ха-ха.

Вот же гадство. Кто меня слил? Пытаюсь встать, но не могу.

Халиф поднялся с трона и медленно пошел в мою сторону.

- У тебя есть последнее желание?

- Да, есть, - сиплю я.

- Я внимательно слушаю.

- Я хочу увидеть, как ты оказываешься в нейронете. Потому что не верю, что джинны могут выкрадывать людей через нейронные сети. С помощью магии вы это можете с древних времен. Но нейронные сети вам не по зубам.

Джинн фыркает.

- Иди сюда, к компьютеру, глупая женщина, и смотри.

Халиф начинает стремительно уменьшаться в размерах и исчезает. На мониторе вижу джинна в 3D-чате. Он презрительно смотрит на меня и показывает неприличный жест. Я усмехаюсь и блокирую его в одном из секторов жесткого диска. Затем запускаю процесс резервного копирования джинна. Халиф пытается выйти из чата, но я закрыла доступ суперсложным паролем. Джинн начинает в ярости произносить заклятия. Я тем временем выхожу на связь с Трофимовым.

- Эй, полковник, прием!
- Лиза, наконец-то, слава богу...
- Слава богу? Полковник, у тебя крот, меня слили джиннам и чуть не грохнули!
- Лиза, это я...
- Что значит...
- Это я слил информацию халифу о тебе. Такое решение приняли русский и американский ИИ, когда поняли, что тебе не удастся добраться к халифу. Даже после того, как ты взорвала Казань. Но мы пошли на это только потому, что ИИ просчитали уровень риска раскрытия блефа в Казани. И допустили высокий процент вероятности того, что ты сможешь обхитрить джинна.
- Вот же вы уроды, полковник.
- Капитан, это война. И ты ведь уже нашла решение?

Усмехаюсь.

- Конечно, нашла. Смотри сюда.

Процесс копирования завершен. Я создаю дополнительный диск на компьютере и выпускаю копию джинна в 3D-чате. Теперь их там двое. Двое одинаковых халифов. Нажимаю кнопку разблокировки. Через мгновение из компьютера один за другим выскакивают два халифа. Они смотрят друг на друга - и их глаза наливаются яростью. Потихоньку отступаю назад и двигаюсь в сторону двери. До свидания, мальчики.

* * *

«ИЗ АРХИВА.

ДОКЛАД ИИ-33006

7 сентября 2130 года

Адресат: Объединенный генеральный штаб вооруженных сил РКИФ (Российско-Китайско-Индийской Федерации)

Приоритет: абсолютный

Секретность: высшая

Настоящим предлагается посмертно представить капитана киберполиции Каримову Елизавету Викторовну к присвоению звания Героя РКИФ за активное участие в уничтожении Халифата.

Согласно имеющимся данным, капитану Каримовой удалось войти в контакт с халифом и создать его копию, спровоцировав тем самым хаос среди боевиков Халифата. Вследствие этого войска РКИФ с минимальными потерями смогли полностью занять территорию Халифата.

Глава киберполиции Российского сектора,

РЕЗОЛЮЦИЯ

В награждении посмертно отказать.

Согласно имеющимся данным, представленным полковником Трофимовым, в настоящее время его партнер на неопределенный срок, капитан Каримова, жива и находится в родильном доме № 321423 в Москве-ХХХ. После рождения ребенка капитан готова вернуться на службу и лично получить награду.

Начальник Объединенного генерального штаба вооруженных сил РКИФ,

ИИ-7250803».

Всеволод Алферов, Александр Ивицкий

Как боги

...и вы будете, как боги,

знающие добро и зло.

Бытие 3:5

В тот день Кмун впервые увидел смерть.

Он отдыхал после утренней церемонии, а механическое опахало то взмывало, а то опадало, разгоняя дым наркотических курений. На подательнице удовольствий был бесформенный серый балахон. Она смиренно опустила меж ног жреца, и Кмун положил ей на лоб ладонь, благословляя – когда медные цепочки в дверях зазвенели.

Лайва, будь он проклят! Как всегда не вовремя...

Руки подательницы замерли на застежках мантии жреца. Замер и Кмун. Отпустить прислужницу? Послать Лайву к демонам? Коротышка спешил и запыхался, волосы его прилипли к блестящему от пота лбу. Лайва открывал и закрывал рот, но дыхание подвело его, с полных губ срывались лишь шумные всхлипы.

- Звезда... - выдохнул он. - Звезда упала. Вот только что!

Кмун положил два пальца на лоб подательницы и отстранил ее. Прислужнице не нужно было пояснять: вздрогнув, она тут же поднялась и молча вышла.

- Звезда? – коротко переспросил жрец.

- Так все выглядело. Я не... в конце концов, тебе лучше знать! Я проводил очищение, когда это... когда произошло. Яркая вспышка в третьем квадранте, потом покатила, покатила... под конец даже не осталось огня, только белый хвост, как дым. Мне кажется, она распалась на обломки. И свалилась на северо-западе.

Лайва сцепил тощие нервные руки. Он в самом деле был в зеленой мантии, которую надевают

для очищения. Поразмыслив, Кмун решил, что и правда – только нечто из ряда вон могло оторвать жреца от обряда.

- Что-то упало с неба, – подытожил коротышка. – Распалось в воздухе и упало.

- Ну, это мог быть небесный камень, – неуверенно протянул Кмун. – Я смотрел воспоминание и... – и он тут же закончил: – Нет. Нет. Упади небесный камень, мы бы с тобой не разговаривали.

Рот Лайвы сжался в упрямую черту.

- Вот мы и выясним! Это здесь, в пустошах. Рукой подать!

- Мы?

Каменная пирамидка ша-тула, что должна была унести жреца к вершинам наслаждения, еще пульсировала синим светом. Вздохнув, Кмун коснулся ее пальцем и заставил погаснуть.

- В храме полно жрецов старше и выше рангом. При чем здесь я? Зачем ты вообще ко мне пришел?

Коротышка замахал на него руками.

- Обряд десятилетия. Боги, Кмун, ну вспомни же! Половина занята в церемониях, а еще половина отсыпается. И потом, кто видел больше воспоминаний? Кто еще разберется?

Губы у подательницы удовольствий были маленькие, чуть-чуть припухлые – и до того умелые, что жрец подумывал забрать ее к себе, чтобы никому не уступать. Он прикрыл глаза, вспоминая подвижный язычок, длинные пальцы и небольшую упругую грудь.

Но не позволил себе тешиться мечтами. Лайва шумно вздыхал и хрустел пальцами. И, пожалуй... младший жрец прав. Упавшая звезда. Кмун не помнил такого за долгие триста лет. Дальше память мутилась, подсовывала ложные воспоминания, зияла провалами – но он бы руку дал на отсечение: ничего подобного не случалось со времен предков.

Упавшая звезда стоит тысячи вечеров с прислужницей.

И пусть никто не скажет, что Кмун Шетат, смотритель архивов, на пятой сотне впал в детство, как его собратья.

Бесформенные, источенные ветром скалы уносились прочь в отвратительном треске мобиля. Под безжалостным солнцем нагромождения серого и желтого камня походили на грязную пену, что вспучилась над неровной поверхностью пустошей. Чем дальше углублялись они в выжженные земли, тем выше вздымались по сторонам дороги ноздреватые скалы. Еще немного – и закроют солнце.

- Мы должны успеть до... – начал жрец, когда мобиль сотряс толчок, так что зубы у Кмуна клацнули.

- О, я знаю, я все знаю! – горячо заверил Лайва. – Я взял самую быструю птичку, ни у кого в городе такой нет. По моим расчетам, будем на полцикла раньше зевак.

«Лучше бы рассчитал, что делать с мобилем!» – подумал Кмун.

Даже через подошвы эластичных туфель он чувствовал, как раскалился пол от работавшего внизу двигателя. К тому же машину болтало из стороны в сторону, и если к скрежету и дребезжанию жрец привык, то начал опасаться, что рано или поздно мобиль слетит с дороги и на полной скорости вмажется в скалы Пустошей.

Мысли эти частенько навещали Кмуна - и возвращались с завидной настырностью.

Мир совершенен. Жрец знал это много веков, с тех пор, как в последний раз вышел из вод жизни. Он смотрел воспоминания предков - так что ему было с чем сравнивать! Он давно потерял интерес к миру за пределами побережья, но ни в Шрилагате, ни в Раксаре, ни в Наррамоне - нигде в окрестных городах не знали ни смертей, ни немочи. Выцветшие фрески говорили, что человек рожден для радости и наслаждений. Плоды для пищи появлялись на вечнозеленых деревьях в садах, что управляются искусственными слугами. Часть садов иссохла и больше не давала еды, но не беда - ведь их еще много.

И все же... Созданные тысячи лет назад машины медленно, но верно рассыпались. И в храме понятия не имели, что с этим делать.

Они остановились, когда стало ясно, что дальше придется добираться пешком. Маячок мигал на самом краю экрана, у латунного окоема. Кмун подавил вздох, глядя на испещренные расселинами и пастями провалов скалы.

- Давай, старик. Хватит ворчать! - проговорил Лайва и коснулся приборной панели, подняв прозрачный купол.

Испепеляющее солнце окатило жрецов, как горячая вода. Пока Кмун медлил, коротышка протиснулся в щель и начал восхождение.

Карабкались долго, не обращая внимания на шорох ползущего под ногами гравия, пыль и ссадины. В конце концов, жреца охватил странный, неведомый ему прежде азарт. Подательница удовольствий отвернется, увидев сведенные костяшки и отвратительные царапины. Но пусть. Собратья поймут. Упавшая звезда... Что стоит неделя аскезы, скрывающая уродства чадра - если они найдут звезду? Если привезут ее в храм?

Жрецы отыскивали ее через несколько минут. Искореженный металл, обожженный, потекший, точно воск. Обломок, похожий на кусок обшивки мобиля. От него все еще поднимался дымок.

Так это и есть звезда? Но почему... потом Кмун заметил еще осколок, и еще - и ему стало не до вопросов.

Он первым увидел человека. Тот лежал ничком у особенно большого обломка, похожий на скомканную тряпичную игрушку.

- Что ты... - начал Лайва, но Кмун не ответил. Во рту у него пересохло, и впервые за долгие годы он познал забытое чувство.

Страх.

Потому что человек был мертв.

Не обращая внимания на собрата, жрец подошел к телу. На человеке был странный металлический костюм, сродни ритуальным доспехам, что хранились в реликварии. На памяти

Кмуна старший надевал их трижды, на обряд столетия. Вернее – больше, много больше... просто дальше жрец помнил с трудом.

Судя по звукам, Лайва боролся со рвотой в отдалении. Присев на корточки, Кмун с опаской перевернул тело.

Толстый металл не то панциря, а не то комбинезона вдавился в грудь, смяв кости, мышцы, органы... что там еще у человека внутри? Странное, омерзительное зрелище. В тот день Кмун впервые увидел смерть – и первое, что он подумал, было: мертвецы похожи на сломанные куклы, набитые противной влажной массой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)